

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

DOI: 10.31857/S086919080004553-5

ИСТОРИЯ МЕРОИТСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ
УСТЬЯ ВАДИ-ЭЛЬ-ХАВАД (СУДАН)

© 2019

М. А. ЛЕБЕДЕВ

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1524-2083>; maximlebedev@mail.ru

Резюме: Вади-эль-Хавад – протяженная долина в центральном Судане, устье которой выходит к Нилу в районе Мероэ. Долгое время эти земли находились на периферии условного Кушитского царства – одной или нескольких политий, которые соперничали с древнеегипетским государством в нижнем и среднем течении Нила. Но в I-м тыс. до н.э. экономическое значение района между 5 и 6-м нильскими порогами стало постепенно расти, а на рубеже IV–III вв. до н.э. область Мероэ превратилась в новый столичный регион. Однако исторический путь к этому был долог. Настоящая статья посвящена истории формирования мероитского культурного ландшафта устья Вади-эль-Хавад в свете современных археологических данных, полученных в ходе раскопок в Мероэ, Хамадабе, Аулибе и Абу-Эртейле.

Ключевые слова: Судан, археология, Вади-эль-Хавад, Мероэ, Хамадаб, Аулиб, Абу-Эртейла, палеоэкология, храмы, дворцы, поселения.

Для цитирования: Лебедев М. А. История мероитских археологических комплексов устья Вади-эль-Хавад (Судан). *Восток (Oriens)*. 2019. № 2. С. 21–48. DOI: 10.31857/S086919080004553-5

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 17-01-00321 «Египет и Нубия – контактная зона между Средиземноморским миром и Африкой».

HISTORY OF MEROITIC ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES
OF WADI AL-HAWAD (SUDAN)

© 2019

Maksim A. LEBEDEV

Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1524-2083>; maximlebedev@mail.ru

Abstract: Wadi al-Hawad is a long desert valley in the modern-day central Sudan which meets the Nile valley near Meroe. For centuries, these lands were situated at the periphery of the Kingdom of Kush which rivaled Egypt in the lower and middle course of the Nile. During the 1st Millennium BC, the economic significance of the area between the 5th and 6th Nile cataracts began to increase. The process continued well after 4th-3rd centuries BC when Meroe became a new capital zone of the kingdom. The paper analyzes the development of the Meroitic cultural landscape of Wadi al-Hawad as demonstrated by the most recent excavations at Meroe, Hamadab, Awlib, and Abu Erteila.

Keywords: Sudan, archaeology, Wadi al-Hawad, Meroe, Hamadab, Awlib, Abu Erteila, paleoecology, temples, palaces, settlements.

For citation: Lebedev M. A. History of Meroitic archaeological complexes of Wadi al-Hawad (Sudan). *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 2. Pp. 21–48. DOI: 10.31857/S086919080004553-5

Acknowledgements: The article was prepared with the support of the grant no. 17-01-00321 “Egypt and Nubia – the contact area between the Mediterranean world and Africa” of the Russian Foundation for Basic Research.

ВВЕДЕНИЕ

В отличие от истории Древнего Египта, при изучении которой упор традиционно делается на письменные и изобразительные источники, а археологические свидетельства привлекаются незаслуженно редко, история древней Нубии написана главным образом археологами [Török, 1992, p. 111]. Письменные данные о ней из-за своей немногочисленности или вторичности, как в случае с античными источниками, играют в основном вспомогательную роль. История Куша¹ восходит к первым автохтонным политическим образованиям, созданным в районе 3-го нильского порога около 3000 г. до н.э. носителями культуры ранней Кермы. В VIII в. до н.э., через несколько столетий после завершения продолжительного египетского господства около середины XI в. до н.э., центр кушитской государственности перемещается на юг, в район 4-го нильского порога, где возвышается основанный еще египтянами город Напата. Представители напатской династии смогли завоевать ослабленный внутренними раздорами Египет, основав XXV египетскую династию «черных фараонов» (744–656 гг. до н.э.). Кушитские правители, впрочем, не смогли надолго закрепиться в египетских землях и уступили их к середине VII в. до н.э. Ассирийской империи. После разорения Напаты войсками египетского царя Псамметиха II в VI в. до н.э. земли на юге, между 5-м и 6-м нильскими порогами, начинают приобретать для кушитских царей все большее значение². Это привело к тому, что вскоре после 300 г. до н.э. на месте древнего кушитского кладбища близ города Мероэ, на северной окраине устья Вади-эль-Хавад³, стал формироваться новый царский некрополь. Обычно считается, что перенос царского некрополя символизировал перемещение политического центра всего государства с севера на юг – из Напаты в Мероэ.

Точно датировать эти судьбоносные для устья Вади-эль-Хавад события довольно сложно. Связано это прежде всего с дискуссиями относительно порядка правления отдельных кушитских царей. Появление нового царского некрополя в районе Мероэ, вероятно, лишь закрепило новую реальность: изменение политического, экономического и культурного ландшафта нубийской Нильской долины в результате очередного дрейфа кушитской государственности на юг. Весь спектр причин таких изменений установить сложно. Не исключено, что перенос царского некрополя произошел на фоне прихода к власти новой правящей династии, главная ресурсная база которой отныне находилась в районе Мероэ [Edwards, 2004, p. 143]. Основой этой базы могли быть плодородные земли излучины Нила близ современного города Шенди, а также внутренние районы Вади-эль-Хавад.

С рубежа IV–III вв. до н.э. Кушитское царство принято в литературе называть Мероитским. Мероитский период стал временем последнего расцвета древней кушитской цивилизации, который был отмечен ростом значения культов местных богов, вытеснением

¹ В настоящей работе термин Куш трактуется расширительно. В узком смысле Кушем называют государство, возникшее в среднем течении Нила после окончания периода египетского доминирования на излете Нового царства (ок. XI в. до н.э.) [Török, 1997(1), p. 1–3].

² Обнаружение в Мероэ предметов с именами напатских царей, в том числе Аспелты, позволило допустить, что столица Куша была перенесена из Напаты в Мероэ сразу после разгрома древнего религиозного и политического центра. Однако в современной литературе эта идея не получила поддержки [Török, 1992, p. 113].

³ Вади – это долины временных водотоков, которые широко распространены в аридных регионах и часто определяют пространственную организацию рельефа в пустынях и саваннах.

в официальных памятниках древнеегипетского языка мероитским и формированием новой устойчивой материальной культуры, в том числе характерного керамического производства. Меровитское государство поддерживало тесные связи с птолемеевским Египтом и Римской империей, просуществовав вплоть до IV в. н.э.

На протяжении более чем 500 лет Меровитское царство контролировало значительную часть территории среднего течения Нила. Хотя границы государства, судя по всему, не были постоянными и периодически изменялись, в период своего расцвета Меровитское царство могло контролировать широкие пространства от границы с Египтом на севере до среднего течения Голубого Нила на юге, что составляет порядка 1500 км Нильской долины [Edwards, 2004, p. 141].

ОСТРОВ МЕРОЭ: ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ, ПРИРОДНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

Последние два десятилетия – это время быстрого роста внимания исследователей к археологии так называемого Острова Мероэ (*рис. 1–2*) [Baud, 2010, p. 53–54; Rondot, 2014, p. 119]. Остров Мероэ – далеко не бесспорный термин. Он был позаимствован исследователями Нубии из античной традиции и обозначает обширный регион, который осваивали кушиты в мероитский период. Он имеет вполне четкие естественные границы: с запада Остров Мероэ ограничен Нильской долиной от Хартума до Атбары, с севера и востока – рекой Атбара от города Атбары до Эфиопии, с юга – эфиопскими предгорьями от реки Атбара до Голубого Нила и Голубым Нилом от Эфиопии до Хартума. В историографии этот регион Судана нередко делят на области Кераба и Бутана [Edwards, 1989, p. 30–35; Bradley, 1992, p. 18–19, fig. 1.3]. При этом в литературе существует путаница при использовании этих названий [Edwards, 1989, p. 30]. В настоящей работе для обозначения историко-географического региона между Нилом, Голубым Нилом, Эфиопией и рекой Атбара мы будем использовать термин Остров Мероэ как наиболее распространенный в современной историографии. При этом для территорий Острова Мероэ к востоку от Нильской долины, которые значительно отличаются в хозяйственном отношении от пойменных земель, будет использоваться термин Бутана⁴.

На большей части Острова Мероэ Нильская долина прорезает отложения мягкого нубийского песчаника. В тех местах, где на поверхность выходят более древние и твердые докембрийские породы, сформировались основные нильские пороги: от 1-го в районе Асуана до 6-го между Хартумом и Шенди. Песчаниковое плато занимает западную часть области Бутана. Восточную часть области Бутана занимают глинистые равнины, сформировавшиеся прямо поверх докембрийских коренных пород. Территория Острова Мероэ, как и районы Судана, расположенные севернее 19° с.ш., находится в зоне тропического континентального климата. Однако в отличие от последних, где присутствуют всего два сезона – холодная сухая зима с сильными ветрами и жаркое продолжительное лето, на этой территории выделяются четыре сезона – холодная сухая зима, жаркое и сухое раннее лето, жаркий сезон дождей и затем жаркая влажная осень. Соотношение этих сезонов меняется в зависимости от широты: чем дальше на юг, тем меньше влияние сухих и холодных воздушных масс. Отсутствие высоких гор и крупных водоемов не способствует формированию здесь разнообразия микроклиматов. Среднее количество осадков в районе Вади-эль-Хавад составляет около 100 мм в год (большинство осадков приходится на сезон дождей с июля по август), в то время как на южных рубежах Меровитского царства количество осадков могло превышать 500–900 мм в год [Edwards, 1989, p. 13–15].

⁴ Для удобства мы будем трактовать термин Бутана расширительно. Сюда войдут как плато, сложенное нубийским песчаником и прорезанное множеством вад (западная Бутана, или Кераба), так и глинистые равнины на востоке – восточная Бутана.

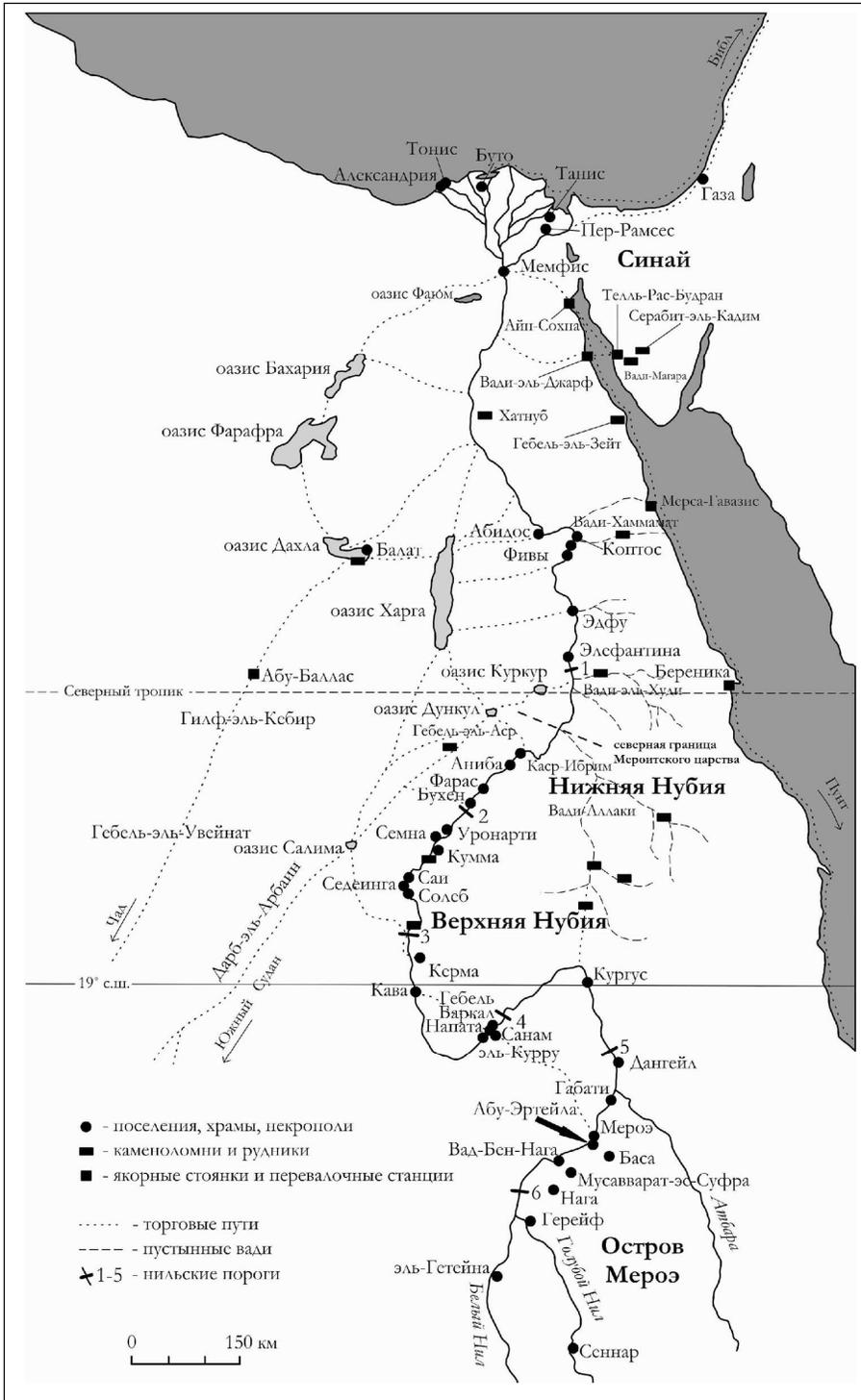

Рис. 1. Карта Нильской долины (Лебедев М. А.).

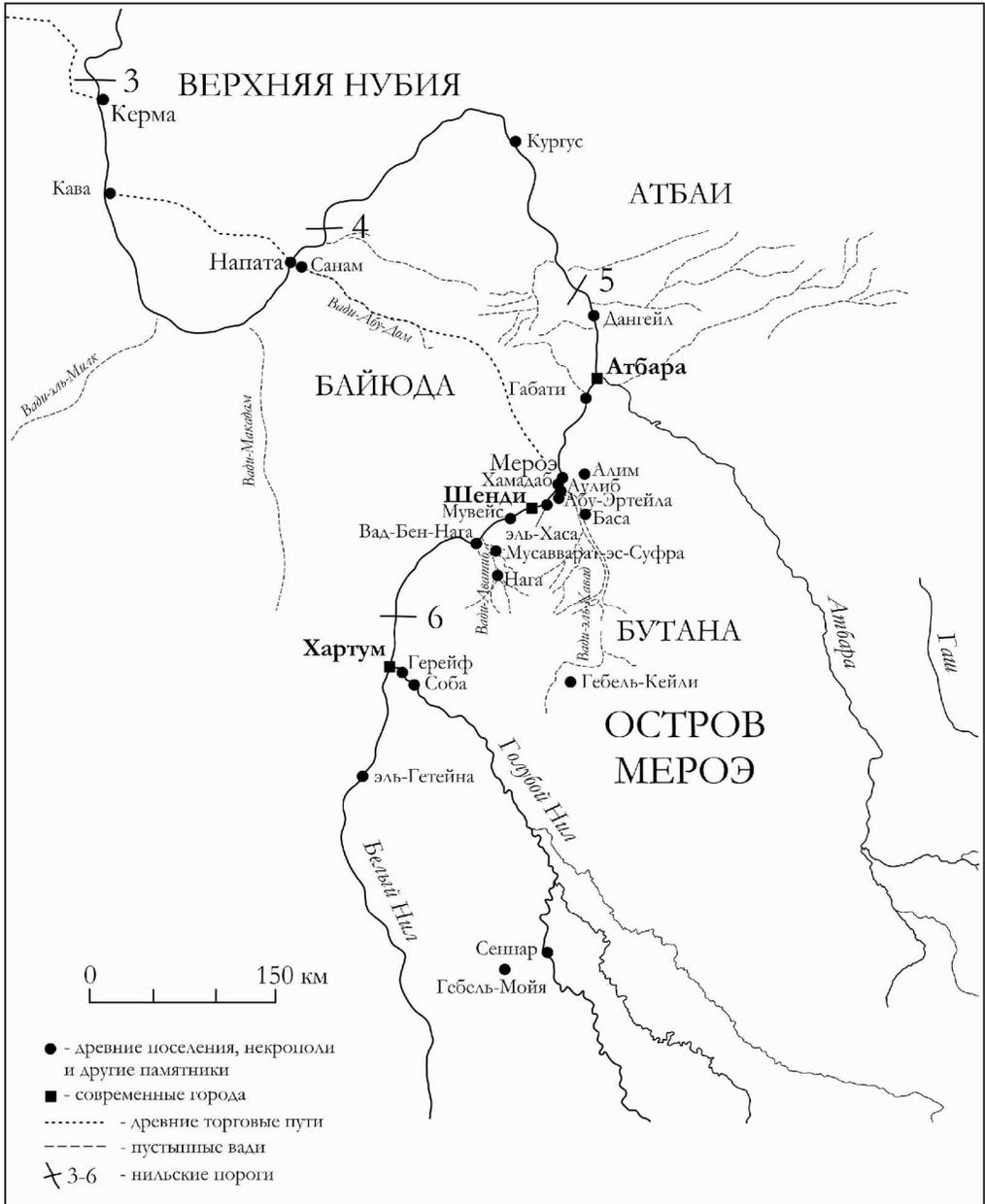

Рис. 2. Карта Острова Мероэ (Лебедев М. А.).

Жизнь в районе древнего Мероэ определяли два естественных гидрологических объекта: Нил, русло которого в районе Мероэ, как и сегодня, обладало высокой изменчивостью, и Вадии-эль-Хавад. Как правило, зоны преимущественного расселения людей, а тем более расположения городских и храмовых центров, определялись исходя из двух соображений. С одной стороны, большое значение имела доступность водных ресурсов и пригодных для использования сельскохозяйственных земель и пастбищ.

С другой стороны, необходимо было обезопасить поселения от разрушительных паводков. В качестве разумной альтернативы выбор, как правило, падал на стабильные возвышения, сформировавшиеся вдоль палеорусел. Крупнейшие поселения в устье Вади-эль-Хавад – Мероэ и Хамадаб – находились на высоком, восточном, берегу Нила. Западный берег был пологим и во время паводка полностью затоплялся. Отсутствие выявленных крупных поселений на низком, западном, берегу реки близ Мероэ [Edwards, 1989, p. 129] легко объяснимо: здесь, как правило, приходилось либо строиться слишком далеко от воды, что было экономически неэффективно, либо ограничиваться легкими конструкциями, остатки которых, если таковые имелись, трудно проследить археологически.

Характерной особенностью речных долин с мощными аллювиальными отложениями являются тянущиеся вдоль берегов возвышения – приустьевые валы. Валы образуются в ходе паводков: при растекании вода быстро теряет скорость, из-за чего крупный материал отлагается почти у самого берега. На спаде паводка приустьевые валы обнажаются в первую очередь, что способствует быстрому росту на них растений, в том числе кустарников и деревьев, которые формируют так называемые галерейные леса. Растительность не только дополнительно укрепляет валы, но и задерживает песок, переносимый ветром и водой, формируя таким образом прибрежные дюны.

Приустьевые валы предотвращают возвращение воды в реку после схода паводка, формируя естественные «каналы» вдоль Нила [Wolf, Nowotnick, Wöß, 2014, p. 119, fig. 10]. Они облегчают ирригацию сельскохозяйственных земель в пойме и на надпойменных террасах. Кроме того, во время паводков старые прибрежные дюны вдоль древних приустьевых валов могут запасать воду, которая в течение засушливого сезона поступает в окружающий грунт. Относительно безопасные в период паводков, древние дюны, как правило, окружены обрабатываемыми землями, хотя сами для сельского хозяйства почти непригодны. Эта особенность делала их удобным местом для поселений. Неудивительно, что Мероэ и Хамадаб возникли именно на таких возвышенностях, сформированных приустьевыми валами и дюнами, которые впоследствии оказались вдали от изменившегося речного русла [Wolf, 2015, p. 127]. При этом Хамадаб и Мероэ расположены на разных террасах. Поселение Мероэ, возникшее еще в донапатский период в начале 1-го тыс. до н.э., стояло на более высокой и далекой от современной реки террасе. Хамадаб же появился около IV в. до н.э. на более молодой и потому менее высокой террасе. Положение Хамадаба в целом характерно для мероитских поселений: привязанные к водным речным ресурсам, мероиты обычно избегали самых старых и далеких от Нила террас, которые больше подходили для жизни в напатский период [Wolf, 2015, p. 126].

Другая ключевая особенность региона Мероэ – это наличие нескольких сезонных водотоков: Вади-эль-Хавад, одного из крупнейших в Судане, а также Вади-Хаджала и Вади-Тарабил, расположенных чуть севернее. В мероитское время, возможно, сток воды из всех трех вади несколько превосходил современный⁵. При этом, как и сегодня, сток двух последних вади существенно уступал стоку Вади-эль-Хавад. Благодаря приустьевым валам поступающая из вади сезонная вода обычно не могла достичь Нила, предоставляя в распоряжение жителей данного региона дополнительный источник влаги для орошения. В результате летних разливов приречные возвышенности в районе Мероэ превращались, вероятно, в настоящие острова. В результате вокруг мероитских поселений появлялись более молодые аллювиальные отложения, чем те, из которых сложены

⁵ Хотя климат устья Вади-эль-Хавад мероитского времени в целом походил на современный, уровень влажности мог быть выше и в мероитское время еще могли существовать короткие зимние сезоны дождей, которые сегодня полностью отсутствуют [Wolf, 2015, p. 130].

эти возвышенности. Данный факт долгое время серьезно озадачивал исследователей. В частности, высказывалось предположение, что древний город Мероэ располагался на нескольких постоянных островах [Bradley, 1982, p. 167–169]. Сегодня такие представления считаются несостоятельными [Grzymiski, 2005, p. 55–56].

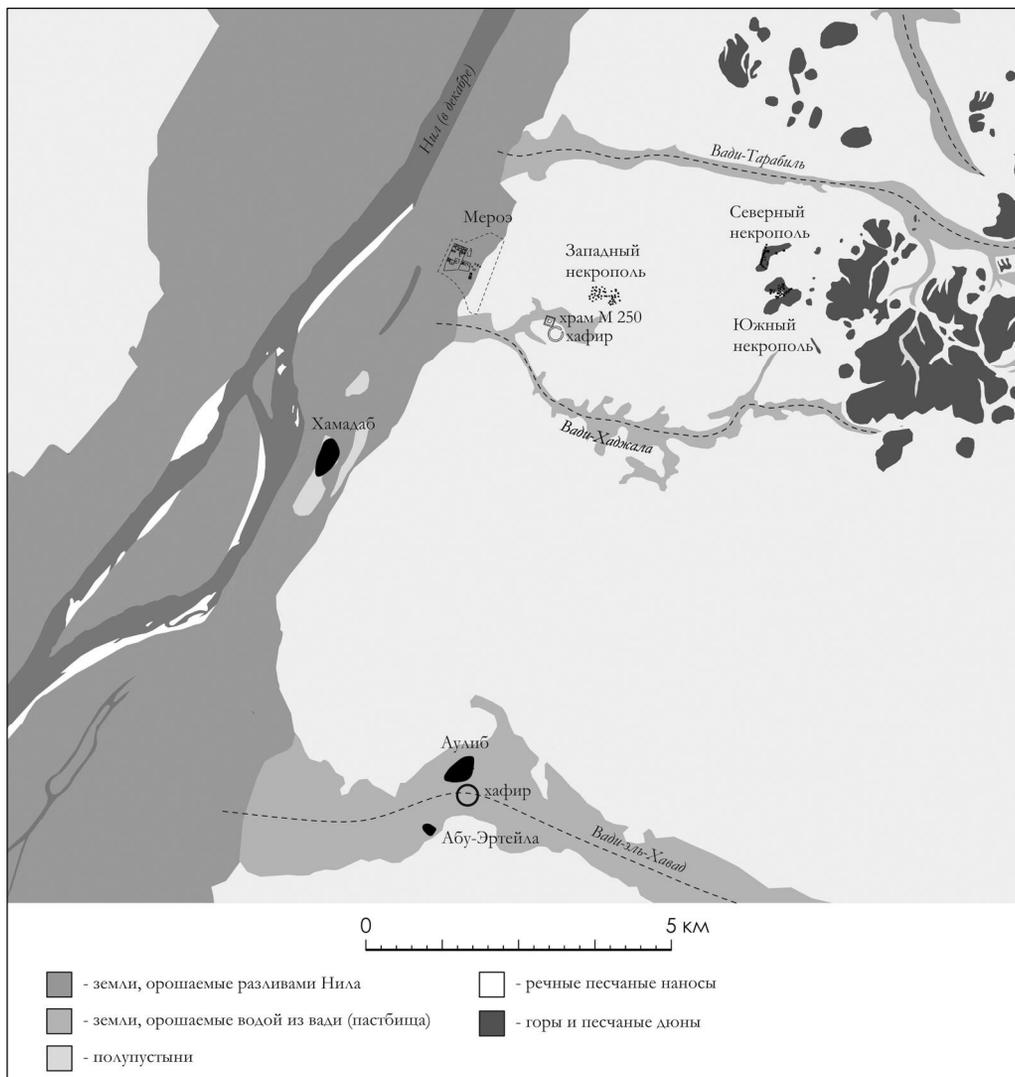

Рис. 3. Мeroитские памятники в устье Вади-эль-Хавад, Вади-Хаджала и Вади-Тарабил (Лебедев М. А. по: [Wolf, Nowotnick, Wöß, 2014, fig. 8]).

Сезон дождей в центральном Судане позволял кушитской экономике – в отличие от древнеегипетской – использовать не только нильскую воду, но и сток из вади. Чтобы запастись этим ценным ресурсом, возможно прежде всего для скота [Welsby, 1996, p. 154], мероиты строили искусственные резервуары диаметром до 250 м – хафиры. Вади-эль-Хавад – крупнейший водосборный бассейн в регионе Бутана. Он соединяет Нильскую долину с глубинными сельскохозяйственными районами Острова Мероэ, в частности с Ба-

сой, где существовал свой хафир и храм при нем. Неудивительно, что в районе Мероз было выстроено сразу несколько древних резервуаров для сбора воды. Два самых крупных располагались в устье Вади-эль-Хавад (хафир между Аулибом и Абу-Эртейлой) и Вади-Хаджала (хафир рядом с мероитским храмом М 250, (рис. 3)). Интересно, что оба хафира были рассчитаны, судя по всему, на забор воды как из вади, так и паводковой – из Нила [Hinkel, 2015, p. 158–166]. При стабильных разливах Нила паводковая вода, видимо, играла основную роль при заполнении хафира, а сток из вади, привязанный к нерегулярным ливням, был дополнительным источником воды. Учитывая большое испарение, несколько источников воды должны были продлить сезон эффективного использования хафира.

Дрейф политического и экономического центра Кушитского государства из района 4-го нильского порога на юг, в область Мероз, не мог быть случайным. Помимо разорительного политического противостояния с Египтом, а также возможной внутренней борьбы среди элит важную роль в этом процессе, по всей видимости, играли и климатические изменения. Новый центр кушитской государственности должен был обладать серьезными ресурсами для поддержания высокой плотности экономически активного населения, а также снабжения чиновников и войск⁶: обширными плодородными землями, значительными водными ресурсами, доступом к топливу и традиционным строительным материалам.

Превращение Мероз в крупный политический и экономический центр происходило на фоне общей аридизации североафриканского климата. Начавшийся около 3300 г. до н.э. очередной этап аридизации завершился в целом к 1450 г. до н.э., способствовав развитию сразу несколько ранних цивилизаций, в том числе древнеегипетской и кушитской (Керма). Практически идентичный современному климат жарких пустынь установился в восточной Сахаре, судя по всему, в начале 1-го тыс. до н.э. До этого устье Вади-эль-Хавад, вероятно, оставалось малопригодным для жизни: высокая влажность, заболоченность и разрушительные нильские паводки оставляли эти земли на периферии кушитского мира [Hinkel, 2015, p. 75–82].

Однако постепенное снижение уровня нильских разливов и продолжающаяся аридизация климата, нанеся серьезные урон экономическому потенциалу северных кушитских территорий, благоприятно сказывались на районе устья Вади-эль-Хавад, свидетельством чему является большое количество памятников 1-го тыс. до н.э. – первой половины 2-го тыс. н.э. [Wolf, Nowotnick, Wöß, 2014, p. 110–112]. К моменту появления Мероз на высокой древней террасе около 750 г. до н.э. Нил в целом вошел в современное русло, и умеренные сезонные поступления воды из реки и близлежащих вади создали удобные условия для развития земледелия [Shinnie, 1989, p. 24–25; Wolf, 2015, p. 129–130].

К рубежу IV–III вв. до н.э. область Мероз вполне могла превратиться в главный экономический центр кушитской цивилизации. Этому способствовали не только высокая продуктивность сельскохозяйственных земель вокруг Мероз, но и наличие крупных залежей железной руды и доступ к ресурсам топлива в западной части области Бутана, прежде всего к зарослям акации. Благодаря выгодному стечению обстоятельств Мероз уже в 1-м тыс. до н.э. превратилось в один из важнейших центров железной металлургии в Северной Африке [Welsby, 1996, p. 169–170; Edwards, 2004, p. 173–174; Humphris, Scheibner, 2017]. Определенную роль, хотя и меньшую, чем считалось прежде [Adams, 1981, p. 8; Adams, 1988], играла, вероятно, межрегиональная торговля [Tögök, 1997(2),

⁶ В отличие от плотно заселенного нижнего течения Нила (Египет) среднее течение реки традиционно аккумулировало меньше людских ресурсов. При общей малой заселенности территории Судана в древности контроль над рабочей силой был для кушитских правителей, вероятно, гораздо важнее, чем контроль над территориями [Edwards, 1998, p. 178].

р. 21–22]. Город Мероэ находился на реконструируемом традиционном торговом пути из внутренних районов Африки в Египет, который проходил через Вади-эль-Хавад, потом из Мероэ в Санам через пустыню Байюда, затем в Каву и далее в Египет [Shinnie, 1991, p. 51–53] (рис. 1–2).

Быстрому росту новой столицы способствовало также наличие собственного производства кирпичей, для обжига которых, вероятно, как и сегодня, использовались навоз, доступный благодаря наличию пастбищ в богатых растительностью вади и на окраине пустыни, а также дерево [Ismail Mohamed Fangama Abdalla, 2015] из травянисто-акациевой саванны в западной части области Бутана. В близлежащих скалах находились удобные выходы нубийского песчаника, которые мероиты успешно и активно разрабатывали [Cech et al., 2018].

Сегодня мы понимаем, что выбор кушитских элит в пользу Мероэ был продиктован рациональными соображениями. Однако подробности переноса политического и экономического центра из района Напаты в Мероэ и соответственно перехода от напатского времени к мероитскому все еще слабо прослежены в известных археологических контекстах. С одной стороны, на многих памятниках наблюдается четкая преемственность, в частности, в использовании культовых сооружений. С другой стороны, часть памятников на севере приходит в запустение, а на юге появляются новые политические и экономические центры. Складывается впечатление, что государство переживало в этот момент смутные времена, которые закончились перераспределением населения в рамках среднего течения Нила. В центральном Судане, где во времена Напаты, судя по имеющимся пока археологическим свидетельствам, не было крупных поселений, растут новые городские и храмовые центры. Увы, лишь немногие из них к настоящему времени достаточно изучены археологами.

После ранних раскопок XIX – начала XX в., которые проводились на наиболее ярких памятниках на территории Судана, таких как царские некрополи с пирамидами, а также крупные хорошо сохранившиеся храмы и дворцы, как правило, египетского и напатского времени, поступление новых материалов замедлилось. Перелом наступил в 1970-х гг. Кампания ЮНЕСКО по спасению памятников Нижней Нубии (1959–1980) и связанные с ней археологические работы⁷ значительно расширили научные знания о северной окраине Мероитского царства. Однако это знание породило множество вопросов, которые было невозможно решить без раскопок в основных мероитских центрах, находившихся к югу от затопленных территорий. Так началось постепенное возвращение археологов в Судан, в частности на территории Острова Мероэ. Впрочем, по сравнению с Египтом число археологических экспедиций в Судане остается невелико.

Современные раскопки охватывают всего чуть более дюжины различных мероитских памятников на территории Острова Мероэ. Наиболее значительные из них (с севера на юг) – это Мероэ [Grzymski, 2005; Grzymski, Grzymska, 2008; Wolf, Hof, Onasch, 2008; Wolf et al., 2008, p. 196–219; Wolf et al., 2009, p. 217–234; Wolf et al., 2011, p. 213–233] и прилегающие некрополи [Wolf et al., 2018], Хамадаб [Wolf, Nowotnick, 2006; Wolf et al., 2008, p. 166–195; Wolf et al., 2009, p. 234–256; Wolf et al., 2011, p. 223–237; Wolf, Nowotnick, Wöß, 2014], Аулиб [Borcowski, Paner, 2005], Абу-Эррейла [Fantusati, Kormysheva, Malych, 2014; Кормышева, 2016; Малых, 2016; Малых, 2017; Кормышева, 2017; Malych, 2018; Kormysheva, 2018], Мусавварат-эс-Суфра [Näser, 2012], Нара [Kröper, 2006; Kröper, Schoske, Wildung, 2011], эль-Хаса [Rondot, 2010(1); Rondot, 2010(2); Rondot, 2010(3); Rondot, 2010(4); Rondot, 2010(5)], Мувейс [Baud, 2008; Baud, 2011; Baud, 2014] и Вад-Бен-Нара [Onderka, 2014; Onderka, Vrtal, Gatzsche, 2017].

⁷ Археологические работы в рамках кампании ЮНЕСКО продолжались до 1973 г. и значительно дополнили сведения, полученные в ходе первых разведочных работ 1907–1911 гг.

МЕРОЭ: ОТ ПОСЕЛКА К СТОЛИЧНОМУ ЦЕНТРУ⁸

Мероэ в значительной мере разделил судьбу многих древних столиц в долине Нила. Хотя, в отличие от египетского Мемфиса эпохи Древнего царства или Ити-Тауи эпохи Среднего царства, местоположение Мероэ точно известно, этот городской центр изучен еще очень слабо. Археологический памятник Мероэ состоит из комплекса элитных зданий в западной части поселения, жилых кварталов и производственных центров на так называемых Северном и Южном холмах, а также храмов, которые находились как на территории поселения, так и за его пределами (рис. 4). Наиболее изученным в настоящее время является западный участок, обнесенный в раннемероитское время (III–II вв. до н.э.) четырехугольной в плане стеной. Отдельные участки Северного холма, в частности храм М 600 и некоторые производственные центры, также были исследованы. Южный холм остается в целом археологически неизученным. Царский некрополь к востоку от Мероэ состоит из трех кладбищ: северного, южного и западного; частный некрополь мероитского времени также состоит из трех кладбищ: северного, центрального и южного; от постмероитского времени известен один крупный некрополь.

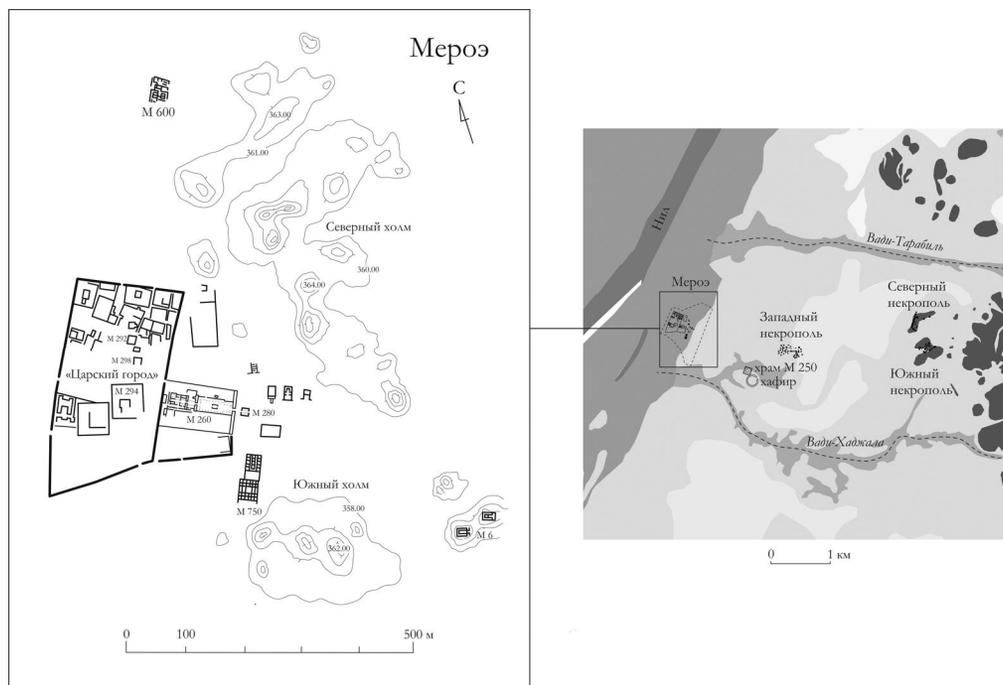

Рис. 4. Схема расположения основных памятников Мероэ (Лебедев М.А. по: [Török, 1997(2), fig. 1]).

С 1980-х гг. в литературе обсуждалась идея о том, что весь город или, по крайней мере, его часть находились на постоянном острове или островах. В качестве аргументов рассматривались не только топографические и стратиграфические наблюдения, но и сви-

⁸ Топоним Мероэ, который одновременно является обозначением и главного городского центра Кушитского царства, и столичного региона, и государства в целом, впервые встречается у Геродота и прочно вошел в европейские языки благодаря античной традиции [Mainterot, 2010; Baud, 2010].

детельства античных авторов [Bradley, 1982, p. 167–169; Török, 1997(2), p. 23–25]. Однако современные исследования показывают, что при той изменчивости русла Нила, что наблюдается в этом районе сегодня и, вероятно, существовала в древности, Мероэ вряд ли мог существовать как постоянное поселение, находись он даже частично на острове, поскольку река постоянно бы его размывала. А аллювиальные отложения, обнаруживаемые в низинах между основными холмами (комами)⁹ и к востоку от города, скорее всего сформировались в результате крупных нильских разливов и сезонного притока воды из вадии [Grzymiski, 2005, p. 55–56; Wolf, 2015, p. 127].

Считается, что развалины Мероэ были впервые описаны Дж. Брюсом в 1772 г., а их систематическое изучение началось в 1909–1914 гг. под руководством британского исследователя Дж. Гарстанга. С 1965 по 1984 г. там работали несколько сменявших друг друга экспедиций [Shinnie, Bradley, 1980; Shinnie, Anderson, 2004; Yellin, 2012]. Очередной период интереса к поселению и храмам Мероэ начался в 1990-х гг. [Grzymiski, 2005, p. 47]. В 1997 г. были окончательно опубликованы материалы раскопок Дж. Гарстанга [Török, 1997(2)], которые и сегодня остаются главным источником наших знаний по планировке и, в меньшей степени, археологии столичного центра Меровитского царства. Увы, методика этих раскопок была далека от совершенства и в целом не всегда соответствовала даже стандартам своего времени. В результате археологический контекст большинства находок и раскопанных зданий сегодня утерян [Török, 1992, p. 112; Török, 1997(2), p. 4–9]. Эту лауну стараются в какой-то степени восполнить современные экспедиции [Yellin, 2012, p. 258].

Характер древнего поселения в районе Мероэ до сих пор остается не вполне ясным. Многие вопросы пока не имеют ответов. Насколько большим было поселение? Сколько людей там жило? Был ли это прежде всего дворцовый и храмовый центр, который населяли политические элиты и обслуживающий их персонал? Или же основную роль в жизни Мероэ играло разнородное городское население, обладавшее самостоятельной динамикой развития в рамках традиционной городской экономики [Edwards, 2004, p. 147]?

Объяснений такого положения вещей множество, но основных причин две. Во-первых, до сих пор менее половины территории Мероэ подверглось раскопкам хотя бы с целью выяснения плана поздней застройки поселения, не говоря уже о выявлении планировки более ранних этапов функционирования памятника [Török, 1997(2), p. 15]. Во-вторых, почти отсутствует какая-либо информация о стратиграфии наиболее важных комплексов.

Дж. Гарстанг вел свои крупномасштабные раскопки преимущественно в западной части Мероэ, где он обнаружил комплекс дворцов и других элитных зданий, отделенный от остального поселения мощной стеной. Исследователь назвал этот район «царским городом». И хотя из-за низкого качества документации Дж. Гарстанга сегодня сложно судить, насколько этот термин отражает древнюю реальность, он в целом принят в научной литературе и повсеместно используется [Sievertsen, 2002, p. 163].

«Царский город» был раскопан по площади примерно наполовину, но и на вскрытой территории древнейшие слои были достигнуты лишь на отдельных участках, в основном в центре и на севере. В результате план наиболее ранней застройки западной части Мероэ остается исключительно фрагментарным.

Кушитский населенный пункт существовал на территории Мероэ, по крайней мере, с X–IX вв. до н.э., о чем говорят радиоуглеродные даты из нескольких ранних контекстов [Grzymiski, 2005, p. 56–57; Yellin, 2012, p. 259; Török, 1997(2), p. 18–19]. Самые ранние из

⁹ Ком – распространенное в долине Нила, а также в суданской и египетской археологии обозначение холмов, возникших в результате образования культурного слоя на месте древних сооружений. Аналог термина тель в ближневосточной археологии.

известных пока поблизости от Мероэ погребений относятся, по всей видимости, к середине – второй половине VIII в. до н.э. [Dunham, 1963, p. 1; Tögök, 1997(2), p. 16–17].

Изначально, судя по всему, Мероэ было небольшим сельским поселением, которое располагалось на независимой от напатских правителей территории. Этот период остается самым темным в истории будущего города. Рост значения Мероэ и превращение его в городской центр происходили уже под властью напатской династии, принесшей на эти земли египетские культурные традиции. Подчинение устья Вади-эль-Хавад правителям с севера произошло, возможно, мирным путем, хотя судить об этом позволяют лишь косвенные данные [Tögök, 1997(2), p. 19–20].

Памятники напатского времени в районе Мероэ разнообразны, встречаются как на поселении, так и в некрополе. Первыми крупными проектами центральной администрации были, вероятно, дворец и храм Амона¹⁰. Их планировка неизвестна, однако свидетельства их существования (архитектурные детали и следы разрушения) были найдены под фундаментами и в районе более поздних построек (М 292–298). Вероятное появление храма и дворца позволяет заключить, что уже к концу VII в. до н.э. Мероэ был крупным политическим и религиозным центром, который на время проводившихся здесь храмовых обрядов, требовавших присутствия царя, вполне мог превращаться в фактическую столицу. И хотя самих правителей продолжали хоронить близ Напаты, строительство солнечного храма (М 250) близ устья Вади-Хаджала в VI в. до н.э. говорит о том, что значение Мероэ неуклонно росло.

В это время устье Вади-эль-Хавад, судя по всему, регулярно посещали кушитские цари, и не исключено, что храм Мероэ стал важным остановочным пунктом во время так называемого коронационного путешествия. Смысл этого путешествия заключался в том, чтобы кушитский правитель заручился поддержкой всех местных ипостасей главного государственного бога, Амона, а также других богов, связанных с царской властью. С политической точки зрения это, вероятно, подразумевало налаживание и затем поддержание связей царя с местными элитами, в том числе жречеством. Для этого кушитский правитель объезжал со своей свитой ряд важнейших религиозных и экономических центров, останавливаясь там для проведения необходимых ритуалов. А поскольку, как и в Египте, царская власть в Куше требовала регулярного обновления, коронационные ритуалы повторялись ежегодно и были привязаны к основным праздникам, в частности к Новому году [Tögök, 1992, p. 115]. Таким образом, кушитские цари, судя по всему, постоянно перемещались по стране и, в соответствии с известным циклом, исполняли религиозные обязанности¹¹, а заодно контролировали местные элиты, отслеживали перемещения населения и обеспечивали сбор налогов.

Формальным началом мероитского периода в истории кушитской цивилизации, как уже отмечалось, считается перенос царского некрополя из Напаты в окрестности Мероэ. Сначала мероитские правители стали осваивать уже существовавший южный некрополь у подножия скал Гебель-Хаджала, но вскоре их внимание привлек незастроенный возвы-

¹⁰ Судя по надписям на votivных предметах, в древнейшем мероитском храме Амона почитались две ипостаси этого божества: Амон Фиванский и Амон Напатский, чьи культы находились в центре кушитской царской идеологии, символизируя преемственность цивилизаций Египта и Куша и сущностное единство Нижнего и Среднего течения Нила. Культы Амона Фиванского и Амона Напатского традиционно отправлялись в Гебель-Баркале – главном религиозном центре напатской правящей династии, поэтому начало почитания этих божеств в Мероэ могло означать превращение устья Вади-эль-Хавад во второй важнейший центр Кушитского царства.

¹¹ В условиях географической и экономической разобщенности отдельных регионов Меровитского государства, а также неразвитости инфраструктуры центральная власть, вероятно, была не в состоянии обеспечивать одновременный эффективный контроль над всем населением и всей территорией. Однако эта слабость компенсировалась исключительной ролью правителя в ритуальной сфере, которая была характерна и для других африканских государств [Edwards, 1998, p. 177].

шенный участок к северу. Первым царем, выстроившим свою пирамиду в окрестностях Мероэ, насколько нам известно, стал Аркаманико, правивший в середине III в. до н.э. Примеру Аркаманико последовал его преемник Аманисло, положив таким образом начало новой традиции. То обстоятельство, что первые царские пирамиды учитывали сложившийся монументальный ландшафт и были выстроены на нижней террасе южного некрополя (наиболее почетные пространства выше уже были заняты более ранними гробницами местной знати), возможно, говорит о том, что первые мероитские цари имели местное происхождение. Смена некрополя не означала отхода от прежней идеологии. Государство продолжало управляться из нескольких храмовых и административных центров, связанных с культом Амона [Tögök, 1997(2), p. 33]. Крупнейшими из таких временных «столиц», очевидно, оставались Напата и Мероэ.

Начало раннемероитского периода (III–II вв. до н.э.) отмечено не только возведением к востоку от поселения первых царских пирамид, но и крупномасштабным строительством в самом Мероэ. Больше всего на облик города повлияло, судя по всему, возведение массивной окружной стены, внутри которой стал формироваться уже упоминавшийся выше комплекс дворцов и сопутствующей инфраструктуры – так называемый царский город. Перестройка элитного района шла, вероятно, одновременно со строительством нового храма Амона (М 260). Два этих архитектурных ансамбля определили новую планировку города, куда в среднемероитский период (II в. до н.э. – рубеж I–II вв. н.э.) были включены также храм Исиды (М 600), храм Апедемака (М 6) и храм, посвященный, возможно, победе над римлянами (М 292). В этот период Мероэ определенно было отправной точкой всех царских коронационных путешествий, оспаривая у Напаты положение главного центра в культовом ландшафте Мероитского государства.

В позднемероитский период (рубеж I–II вв. н.э. – начало IV в. н.э.) поселение достигло наибольших размеров. Поскольку «царский город» к этому времени, видимо, слишком обветшал, в качестве новой резиденции правителя был выстроен крупный дворец (М 750) к югу от храмового комплекса Амона (М 260–280). Стены «царского города» постепенно приходили в упадок и уже не ремонтировались. Во II в. н.э. по не совсем понятным пока причинам город пережил серьезные разрушения, которые были особенно наглядно прослежены в северной части бывшего «царского города». На выровненных руинах были выстроены новые дома, однако их размеры, планировка и качество говорили о превращении западной части города в небогатую окраину [Tögök, 1997(2), p. 39]. Городской центр позднемероитского периода находился, вероятно, в районе дворца М 750 и храма Амона с прилегающими к нему святилищами. Относительно богатые дома продолжали существовать на северном холме. Что касается других районов города, то судьба их в позднемероитский период пока не известна. Современный синтез доступных археологических данных указывает на то, что вторжение войск эфиопского царства Аксум в первой половине IV в. н.э., которое прежде считалось основной причиной запустения Мероэ [Welsby, 1996, p. 199], лишь усугубило продолжавшийся уже около столетия упадок крупных общественных зданий и городской инфраструктуры, который, очевидно, отражал упадок центральной власти [Yellin, 2012, p. 263].

В постмероитский период (IV–V вв. н.э.) судьба Мероэ пока неизвестна. Обнаружение крупного постмероитского кладбища (центральный некрополь) свидетельствует о наличии поселения, однако оно пока не локализовано.

ХАМАДАБ: ГОРОДСКОЙ ЦЕНТР И ПРИГОРОД МЕРОЭ

Современные раскопки значительно расширили наши знания о мероитском периоде в истории центрального Судана. Лучшим примером таких работ, пожалуй, является планомерное исследование Хамадаба.

Археологический памятник Хамадаб, названный в честь семьи, поселившейся в этих местах около 300 лет назад, расположен всего в 2,5 км к югу от Мероз. Первым автором раскопок в Хамадабе был Дж. Гарстанг, который в 1914 г. исследовал здесь небольшой храм (Н 1000). Вскоре после этого мероитские развалины Хамадаба были почти забыты, пока в 2001 г. там вновь не начались раскопки [Wolf, Nowotnick, 2006; Wolf et al., 2008, p. 166–195; Wolf et al., 2009, p. 234–256; Wolf, Nowotnick, 2013; Wolf, Nowotnick, Hof, 2014; Wolf, Nowotnick, Wöß, 2014; Nowotnick et al., 2014; Wolf, 2015; Wolf, Nowotnick, Hof, 2015].

Мероитские древности Хамадаба сосредоточены на двух холмах (древней песчаной дюне) и возвышаются сегодня над окружающими пространствами примерно на 4 м. На северном холме находился центр мероитского поселения, а на южном холме в основном располагался некрополь. Продолжающиеся вот уже второе десятилетие археологические работы на северном холме позволили впервые в истории суданской археологии выявить большую часть планировки одного из мероитских городских центров. Поселение обладало весьма компактными размерами (200×250 м), но при этом имело плотную застройку. В мероитский период Хамадаб состоял из двух основных частей: окруженного стеной «верхнего города» в северной части поселения и неукрепленного «нижнего города» в южной части (рис. 5).

Почти все здания были выстроены из сырцового кирпича и имели, как правило, довольно тонкие стены, свидетельствующие о наличии всего одного этажа. Лишь отдельные общественные постройки имели толстые стены (до 1,8 м и более), облицованные обожженным кирпичом. Архитравы и пороги в таких важных постройках были сделаны из песчаника.

В «верхнем городе» (105×105 м) располагался храм Н 1000, впервые исследованный Дж. Гарстангом, крупное административное здание, а также жилые постройки. В нижнем городе находились жилые кварталы и центры керамического и железного производства. Окружная стена имеет толщину около 3 м, и в древности ее высота могла достигать 4–5 м. Главная дорога шла от западных ворот к восточным, разделяя верхний город на две равные половины. Западные ворота, обращенные к Нилу и другим поселениям на окраине поймы [Wolf, Nowotnick, Hof, 2015, p. 130], были основными. Восточные ворота, очевидно, имели второстепенное значение. Центральная дорога постепенно расширялась, превращаясь в восточной части города в небольшую площадь (12×28 м) у ворот храма.

Сам храм Н 1000 длиной около 24 м, если сравнивать его с другими культовыми постройками мероитского времени, имел весьма скромные размеры [Tögök, 1997(2), p. 232–234]. Центральная часть храма состояла из трех помещений, выстроенных на одной линии: вестибюля, пронаоса и святилища. В святилище находилась каменная подставка, предназначенная для установки священной барки или переносного наоса. Предполагается, что в хамадабском святилище почитался Амон [Zach, Tomandl, 2000, p. 132, n. 31]. Но самой интересной особенностью храма являются пять помещений, пристроенных с севера. Интерпретация их пока затруднена, однако не исключено, что там хранились регалии или воинские святыни, связанные с царским культом [Wolf, 2006, p. 252–253]. При входе в храм были установлены две каменные стелы правителей конца I в. до н.э. с текстом на мероитском языке. Помимо прочего, эти памятники, судя по всему, повествовали о войне на севере, возможно с Римом [Wolf, Nowotnick, Hof, 2015, p. 126–127].

Незастроенные территории близ храма, в частности упоминавшаяся выше площадь, представляли единственное общественное пространство, где могли массово собираться жители, например, для религиозных церемоний. Расположенный здесь же колодец диаметром 1,5 м, вероятно, был центром общественной жизни в обычные дни. Вдоль северной стены располагались многочисленные ямы для хранения продуктов. Плотная жилая застройка не оставляла места для сообщения вдоль городских стен. Внутри жилые районы были разделены более или менее перпендикулярными дорогами на отдельные кварталы.

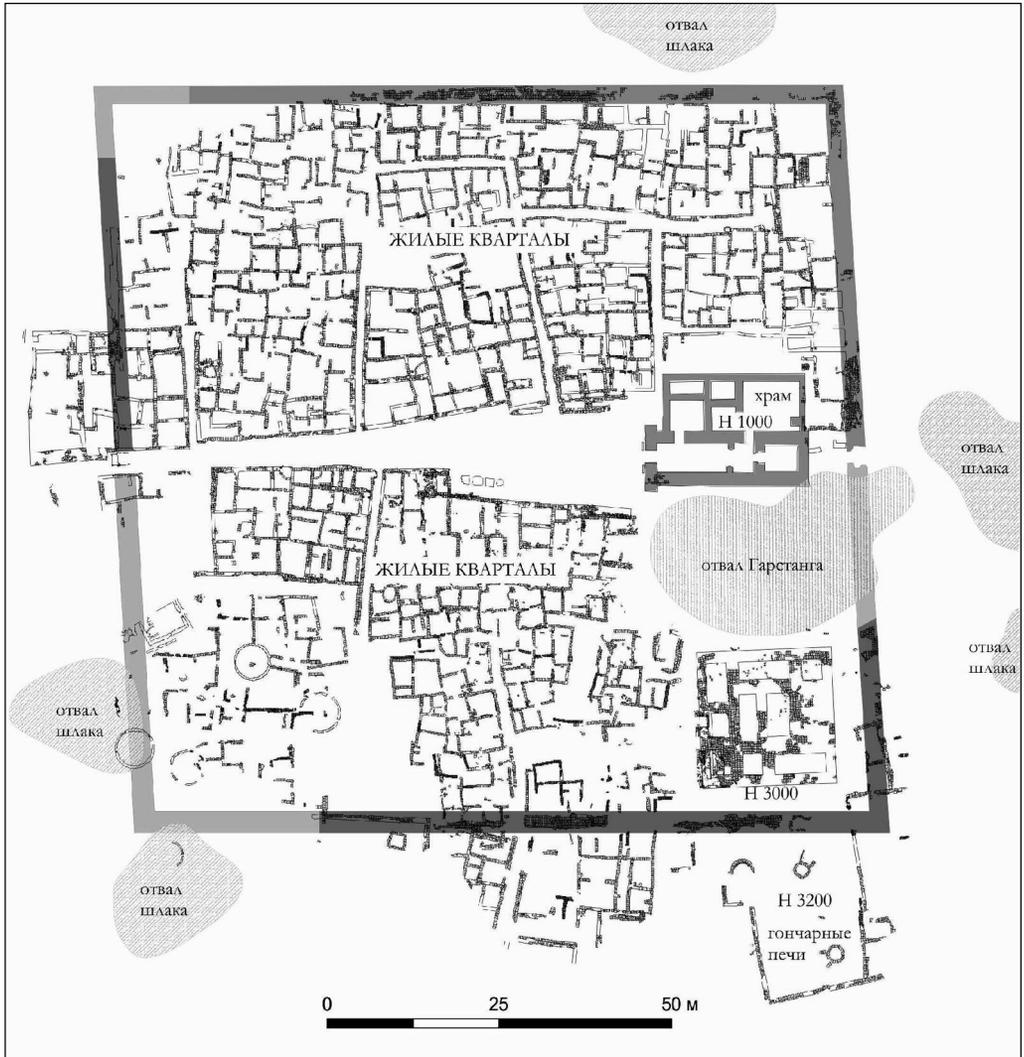

Рис. 5. Древний Хамадаб (Лебедев М. А. по: Wolf, Nowotnick, Wöß, 2014, fig. 1).

В юго-восточном углу верхнего города располагалось массивное здание (20×20 м), возможно, административного назначения, с толщиной стен порядка 1,8 м. Проход шириной 1,5 м вел в прихожую, в юго-восточном углу которой имелась лестница на второй этаж. Что касается первого этажа, то он фактически представлял собой одну большую платформу, которая была разделена на отдельные глухие комнаты (казематы), заполненные забутовкой. В Нильской долине такого рода платформы впервые появились в Египте [Leclère, 2008], а затем стали привычным явлением и в кушитской архитектуре [Maillot, 2014]. Хотя общая планировка верхнего города в целом напоминает египетские города и римские форты I–IV вв. н.э., никаких следов военных действий или размещения гарнизона авторы раскопок пока не обнаружили.

Исследование наиболее древних слоев на территории памятника затруднено значительной мощностью культурного слоя, который достигает в Хамадабе порядка 4 м.

Тем не менее результаты работ последних лет показывают, что самое раннее поселение на территории Хамадаба возникло, судя по всему, в неукрепленной южной части еще на рубеже позднеапатского и раннемероитского периодов (IV–III вв. до н.э.). Первые поселенцы облюбовали для себя высокую дуну, которая в это время уже обеспечивала безопасность от нильских паводков. Верхний город был спланирован – судя по всему, центральной администрацией – в среднемероитский период в I в. до н.э. Строительство началось с массивной окружной стены. Вторым объектом стал храм, строительство которого, судя по стратиграфии, предшествовало появлению жилых кварталов [Wolf, Nowotnick, Wöß, 2014, p. 109–110; Wolf, Nowotnick, Hof, 2015, p. 125].

В I в. до н.э. «верхний город» пережил перепланировку жилых кварталов, после чего облик поселения уже сильно не менялся вплоть до середины II в. н.э., когда общественные здания стали по неизвестным пока причинам приходить в упадок. В позднемероитский период (II–IV вв. н.э.) город постепенно теряет свою регулярную планировку. Причины окончательного упадка не совсем ясны, однако жизнь на развалинах города в постмероитский период постепенно затухала. В эпоху раннего средневековья небольшое население сохранилось, судя по всему, только на южном холме.

АУЛИБ И АБУ-ЭРТЕЙЛА: ДВА ХРАМОВЫХ КОМПЛЕКСА РЯДОМ С ХАФИРОМ

Сущность и роль мероитских комплексов Абу-Эртейлы и Аулиба в рамках столичного региона Мероэ еще только предстоит установить, равно как и характер связей между самими этими центрами, расположенными на расстоянии всего 1 км друг от друга (рис. 3). Для выявления экономического и идеологического значения Абу-Эртейлы и Аулиба в мероитское время требуется комплексное археологическое обследование устья Вади-эль-Хавад с привлечением широкого круга специалистов в области естественных наук, в том числе геологов, геоморфологов и почвоведов.

Мероитские развалины к северу от водотока (хора) Аулиб расположены в северной части устья Вади-эль-Хавад примерно в 3 км к востоку от современного русла Нила. Археологический комплекс Аулиба изучен пока довольно слабо. Основные развалины сформировали 6 холмов (комов), на поверхности которых при первых разведках были отмечены фрагменты обожженных и сырцовых кирпичей, а также остатки архитектурных деталей из песчаника. Рядом с ними расположены два кургана неизвестного времени, а в 300 м к югу – остатки хафира. В 2001–2003 гг. в Аулибе работала экспедиция Музея археологии Гданьска, которая успела частично изучить три из шести основных холмов. Они скрывали развалины храма (ком А), находившегося перед ним алтаря (ком D), а также крупное здание почти квадратное в плане (ком B) (рис. 6) [Borcowski, Paner, 2005; Paner, Kolosowska, 2005; Daszkiewicz, Bobryk, Schneider, 2005; El-Tayeb, Kolosowska, 2005; Sander, 2010; Baldi, 2014; Sander, 2015].

Храм Аулиба имел довольно крупные размеры (более 46×24 м), был ориентирован на «нильский восток»¹² и выстроен по традиционной мероитской технологии: внутренние стены и основная масса внешних стен были сложены из сырцового кирпича, а фундаменты, проходы и внешние поверхности – из камня и обожженного кирпича. Наиболее важные части храма были облицованы песчаником, из которого были вырезаны также некоторые архитектурные элементы: колонны, архитравы и т.д. С внешней стороны стены храма были покрыты белым пластером и в отдельных местах расписаны.

¹² В соответствии с мероитской традицией многие храмы ориентировались по течению Нила, которое условно принималось за направление на север.

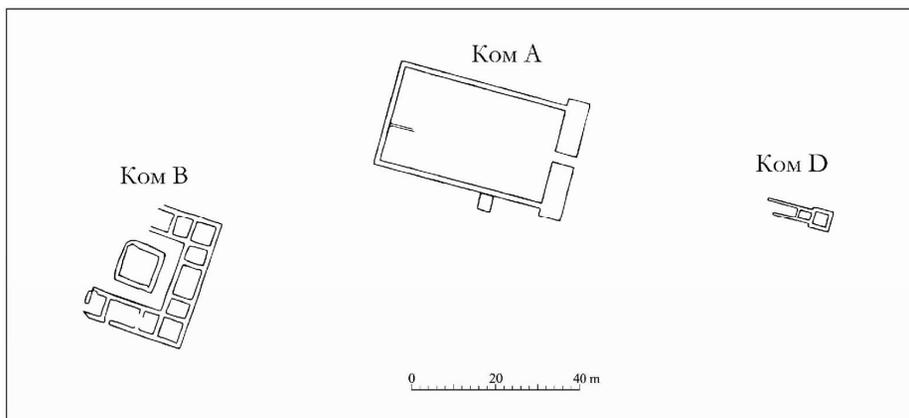

Рис. 6. Основные памятники, изученные в Аулибе к настоящему времени (прорисовка Лебедева М. А. по: [Borcowski, Paner, 2005, fig. 2, 15]).

Примерно в 47 м к востоку от храма был раскопан фундамент платформы, которая, как свидетельствуют мероитские аналогии, – например, комплекс храма солнца близ Мероэ (М 250), храмы Амона в Наге и эль-Хасе, – предназначалась, вероятно, для высокого алтаря, функция которого в рамках всего комплекса еще не вполне ясна [Baldi, 2014, p. 54–55].

К юго-западу от храма были раскопаны остатки фундамента подквадратного в плане здания (около 31×31 м). Обнаруженные руины, вероятно, являются основанием платформы с казематами. Это был типичный элемент мероитской архитектуры. Подквадратные в плане платформы могли использоваться под общественные здания, дворцы или другие элитные постройки. В случае Аулиба это могли быть, например, ритуальный царский дворец или резиденция главного жреца или другого администратора.

Хафир к югу от Аулиба изучен пока весьма поверхностно. Стены сооружения были укреплены каменной кладкой и в некоторых местах сохранились на высоту до 2 м. На его восточной окраине были выявлены остатки мероитской конструкции, быть может, киоска из кирпича и песчаника. Неизвестны ни точная датировка хафира, ни его первоначальная глубина [Hinkel, 2015, p. 161–166]. Разведка на месте хафира близ солнечного храма (М 250) в устье Вади-Хаджала показала, что у аналогичной конструкции, созданной в два этапа, была весьма незначительная глубина – всего около 1 м. Соответственно запасаемая в нем вода, с учетом большой поверхности испарения, скорее всего была вспомогательным источником влаги [Wolf, 2015, p. 128]. Аналогичные раскопки на территории хафира близ Аулиба пока не проводились, однако его первый исследователь Дж. В. Кроуфут, полагал, что хафир вряд ли мог удерживать воду более нескольких месяцев в году. Не исключено, что вода из хафира предназначалась в основном для скота [Crowfoot, Griffith, 1911, 12–13]. Можно предположить, что в сезон дождей, как и сегодня, кочевые группы выпасали скот в верховьях Вади-эль-Хавад и на глинистых равнинах восточной Бутаны, где росли блефарис¹³ и сезонные травы, а в сухой сезон перегоняли скот в устье вади [Bradley, 1992, p. 149, 153, 208], где росли травы и гелиотроп¹⁴. В этом случае храмы Аулиба и Абу-Эртейлы могли контролировать важную контактную

¹³ Многолетний колочий кустарник, который является основой кормовой базы мелкого рогатого скота и верблюдов в засушливый сезон.

¹⁴ Растение семейства Буррачниковые (Boraginaceae), распространенное в устье Вади-эль-Хавад.

зону между оседлым и кочевым населением, которая была особенно активна в засушливый период.

Историю мероитского храмового комплекса Аулиба установить в деталях пока не представляется возможным из-за отрывочности данных. До современных раскопок, а также сразу после них наличие текстов на древнеегипетском языке и палеография иероглифических знаков, напоминающих птолемеевские, убеждали исследователей в том, что храм мог быть основан еще в напатское или раннемероитское время [Sander, 2010, p. 154; Sander, 2015]. Однако это предположение не нашло пока никакого подтверждения в археологических материалах, которые указывают на то, что храмовый комплекс функционировал в I–III вв. н.э. [Baldi, 2014, p. 62–64; Sander, 2010, p. 154]. Вероятное упоминание царицы Аманиторе может говорить о том, что храм Аулиба был основан или перестраивался при Натакамани и Аманиторе – главных строителях среднемероитского периода.

О древностях в районе Абу-Эртейлы, как и о развалинах Аулиба, впервые сообщил Дж. В. Кроуфут [Crowfoot, Griffith, 1911, p. 12–13]. Во второй половине XX в. Абу-Эртейла упоминалась многими авторами, в том числе в связи с хафиром близ Аулиба [Shinnie, 1953; Hintze, 1959, p. 176–177; Khidir Abdelkarim Ahmed, 1984, p. 23–25; Ali Hakem, 1988, p. 330; Edwards, 1989, p. 54; Bradley, 1992, p. 185; Ahmed Abdalla, 2006; Salah, 2011]. Первые разведки на территории памятника показали его перспективность и обещали богатый материал мероитского времени. Безвременная кончина Патриса Ленобля, работавшего близ Абу-Эртейлы [Lenoble, 1987; Lenoble, 1992] и интересовавшегося окрестными памятниками, поставила под вопрос скорое изучение этих развалин. Однако в 2009 г. здесь начала работу совместная российско-итальянская экспедиция. Ядро мероитских развалин составляют два больших холма (комы I–II) и несколько небольших возвышений. В первые четыре года раскопки велись в основном на западном холме (ком I), где был частично исследован хозяйственно-жилой комплекс I–IV вв. н.э. [Кормышева, Малых, Фантусати, 2012; Fantusati, Kormysheva, Malykh, 2012; Кормышева, Малых, Фантусати, 2014; Fantusati, Kormysheva, Malykh, 2014]. С 2013 г. они переместились исключительно на восточный холм (ком II), где были выявлены храмовый комплекс и хозяйственно-жилищные постройки I–IV вв. н.э. [Кормышева, 2016; Малых, 2016; Малых, 2017; Кормышева, 2017; Malykh, 2018; Kormysheva, 2018].

Ядром архитектурного ансамбля Абу-Эртейлы и главным источником строительных материалов для поздних построек был небольшой (20,83×10,7 м), но относительно хорошо сохранившийся храм, основная часть которого была исследована в 2014–2018 гг. (рис. 7). Храм имеет классическую трехчастную структуру: святилище (комната 26), пронаос (комната 25) и колонный зал (комната 27), завершающийся мощными башнями – пилонами. Подобные небольшие храмы хорошо известны в Нильской долине со времен Среднего царства в Египте (ок. XXII–XIX вв. до н.э.), но мероитские компактные многокомнатные храмы восходят, очевидно, к египетской строительной традиции позднего и греко-римского периодов [Wolf, 2006, p. 244–245].

Южнее этого храма находился еще один культовый комплекс (комнаты 7, 18 и 44) меньшего размера (13,5×6 м) и, возможно, чуть более ранний (рис. 7). Он был раскопан в 2014–2015 и 2018 гг. Стены этого небольшого храма были выстроены на фундаментах из необработанного камня в технике, характерной для храмового комплекса в Аулибе. Храм был посвящен неизвестному пока божеству или группе божеств, почитавшихся в львином образе (такие постройки иногда условно называют «храмами льва»).

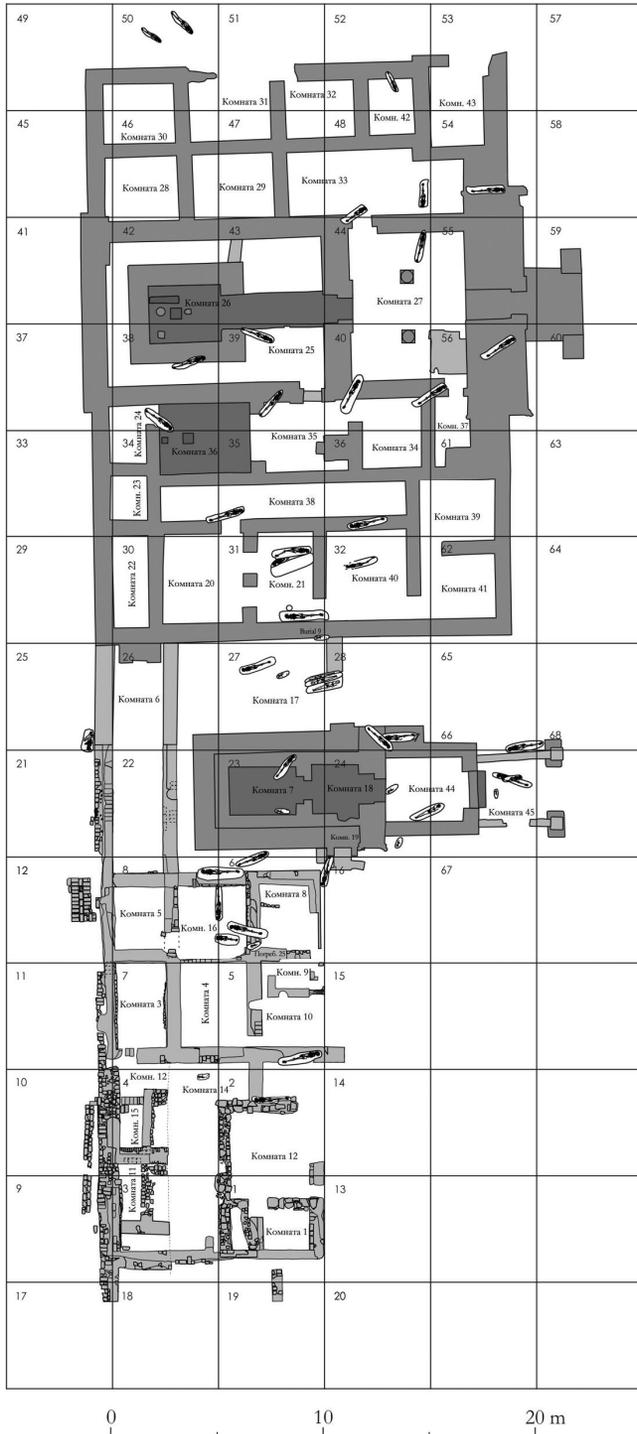

Рис. 7. Храмы Абу-Эргейлы и прилегающие постройки на коме II (сезоны 2012–2018) (Малых С. В., Лебедев М. А.).

Увы, сохранность большинства малых мероитских храмов такова, что отнести их к конкретным богам, как правило, не представляется возможным. Предположения о том, культ какого божества являлся в храме главным, делаются обычно на основании косвенных свидетельств: планировки, фрагментов надписей, частично сохранившихся изображений и артефактов. А поскольку такие комплексы разрозненных данных часто указывают на более чем одно божество, обычно считается, что во многих мероитских храмах, помимо культа главного божества, поддерживались еще несколько второстепенных культов. В целом это согласуется с представлением о глубоком синкретизме мероитской религии [Tögök, 1997(1), p. 500–510].

Проанализировав размеры различных мероитских культовых построек, Ф. Хинкель предположил, что при строительстве храмов египетским богам мероиты использовали в расчетах египетский локоть, хорошо известный в Нубии по храмам Нового царства. В то время как храмы местным божествам строились мероитами уже исходя из современной им греко-римской традиции, где за основу брался строительный модуль, равный диаметру колонн в нижней их части [Hinkel, 1991]. В главном храме Абу-Эртейлы диаметр единственного сохранившегося *in situ* основания колонны равен 0,58 м. Если длина и ширина постройки еще в целом кратны этому модулю, то измерения отдельных помещений указывают на то, что при их планировании за основу вряд ли бралось основание колонн в колонном зале. Если же переводить размеры храма и его внутренних помещений в египетские локти (ок. 52,3 см), то оказывается, что имеющиеся размеры кратны этой египетской единице измерения при условии, что использовавшиеся при строительстве храма мерные инструменты имели погрешность в 1–2 см.

Предположение о том, что главный храм в Абу-Эртейле был посвящен египетскому божеству/божествам, находит подтверждение в эпиграфических и иконографических свидетельствах. К настоящему моменту на территории храма найдены письменные упоминания и символы Амона и Исиды, а также изображения Хапи. Кроме того, перед входом в храм были найдены остатки монументальной статуи сокола, которая, очевидно, изображала египетского бога Хора, покровителя царской власти.

Главный храм Абу-Эртейлы замечателен тем, что имеет многокомнатные пристройки как с севера, так и с юга, которые составляют вместе с храмом единый комплекс. Установить назначение северных помещений сегодня довольно сложно из-за того, что от них фактически сохранились одни фундаменты, а вот южные помещения дали богатый материал. Так, с ними связаны полихромные росписи с традиционными царскими сюжетами: изображение луков¹⁵, процессия дароносцев или представителей покоренных племен с символами единства Нильской долины (*zm3*), а также сцена сражения. Учитывая кушитскую традицию располагать слева от входа в храм реальный или символический царский дворец [Kendall, 1991, p. 302–303; Kendall, 2014, p. 69–70], а также наличие статуй соколов при входе в храм, можно предположить, что южные помещения были связаны с царским культом. Аналогией здесь, возможно, являются упоминавшиеся выше северные помещения храма в Хамадабе.

Сегодня история мероитского комплекса Абу-Эртейлы изучена гораздо лучше, чем история Аулиба. Как и в случае с близлежащим более крупным храмом, собранные в первые сезоны эпиграфические свидетельства вроде бы указывали на то, что первый

¹⁵ Царских врагов египтяне, а затем и кушиты, символически изображали в виде луков, так как это было основное оружие окружавших Египет племен и народов – кочевников Восточной и Западной пустынь, азиатов и нубийцев. Традиционно считалось, что у египтян 9 таких главных врагов, поэтому 9 луков стали собирательным образом для всех соперников египтян, как прошлых, так и будущих. В Абу-Эртейле на проходе в южные помещения храма были изображены всего 6 луков. Такое же число луков встречается в Наге в храме 100 [Kröger, Schoske, Wildung, 2011, p. 47, Abb. 46]. Данные примеры хорошо демонстрируют, что точное следование египетской иконографии отнюдь не всегда было свойственно мероитской традиции.

этап строительства храмового комплекса Абу-Эртейлы мог приходиться на раннемеропитский период. Так, в частности, заставляли думать многочисленные параллели между текстами и палеографией знаков из Абу-Эртейлы и птолемеевскими памятниками на территории Египта [Kormysheva, 2018, p. 429]. Однако археологические материалы этого не подтвердили.

Обнаружение алтаря и трех подставок под священные барки или переносные наосы с именами царя Натакамани, царицы Аманиторе и их наследника Соркарора (большинство памятников были найдены *in situ*) (рис. 8) указывает на то, что храм Абу-Эртейлы был основан в I в. н.э. Не исключено, что комплекс был выстроен в связи с коронацией Соркарора (правил ок. 20–30 гг. н.э.) [Кормышева, 2016]. Эта датировка нашла подтверждение и в керамическом материале, и в радиоуглеродных датах.

Во II веке н.э. храм по неизвестной причине серьезно пострадал от вандалов, которые разрушили алтарь в центральном святилище и пробили в полах храма несколько ям, возможно, в поисках закладных депозитов или храмовой утвари, которую могли спрятать жрецы. После этого храм уже не восстановил своего былого величия. И хотя культ в нем продолжался, в целом комплекс I в. н.э. превратился в источник строительного материала для фундаментов построек позднемеропитского периода (II–IV вв. н.э.), появившихся к югу от храма.

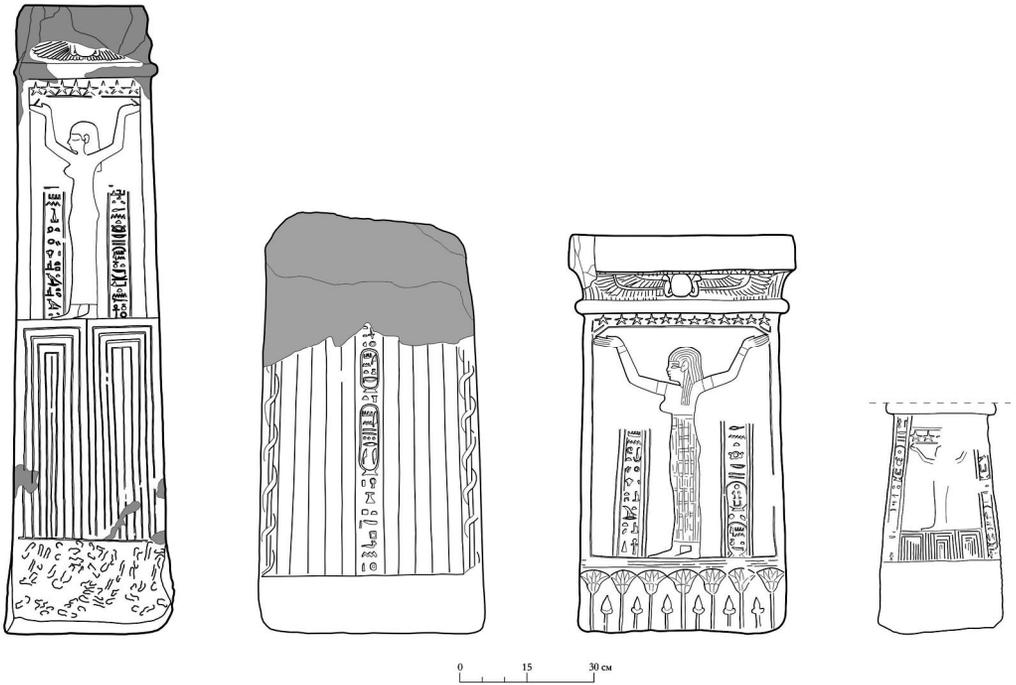

Рис. 8. Эпиграфические памятники из главного храма Абу-Эртейлы (прорисовка Лебедева М. А.).

Центральные помещения храма подвергались реставрации, однако качество этих работ оставляло желать лучшего. Не исключено, что со II в. н.э. основной культ был перенесен из центрального святилища, где алтарь был поврежден, в одно из южных помещений (комнату 36) (рис. 7). Там, в частности, была установлена дополнительная подставка, происходившая, возможно, из небольшого святилища, расположенного к югу от основ-

ного храмового комплекса (комната 7). Это святилище, выстроенное, возможно, несколько ранее главного храма, изначально стояло отдельно, затем было повреждено вандалами и вскоре оказалось включено в позднероитский жилой комплекс, возведенный из переиспользованных материалов к югу от основного храма.

Позднероитская керамика из Абу-Эртейлы свидетельствует о вероятном существовании в районе памятника локального керамического производства, которое, впрочем, пока не найдено. Керамический импорт указывает на вполне ожидаемые связи Абу-Эртейлы с Мероэ и, вероятно, Хамадабом [Малых, 2017; Malykh, 2018]. Однако малая изученность округа Абу-Эртейлы, а также жилых и хозяйственных помещений, прилегающих к храму, не позволяет сегодня обоснованно оценить экономическую роль данного мероитского комплекса ни в отдельные периоды его существования, ни тем более в диахронической перспективе.

Помещения основного храма перестали использоваться, судя по всему, после обрушения колонн и потолка гипостильного зала. На заключительном этапе позднероитского периода жители кома II стали переиспользовать в своих постройках не только кирпичи из пилонов, но и каменные архитектурные детали с крыш. Предполагаемый захват Мероэ войсками древнеэфиопского царства Аксум в первой половине IV в. н.э. на небольшом поселении на коме II никак не отразился: здесь нет ни следов пожаров, ни явных одномоментных разрушений. Судя по имеющимся радиоуглеродным датам из поздних контекстов, жизнь на коме II могла продолжаться вплоть до раннехристианского времени. В эпоху средневековья незатопляемый водами Нила и Вади-эль-Хавад холм на месте мероитских развалин был превращен в некрополь [Lebedev, Reshetova, 2017; Лебедев, 2018].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Характер многоуровневых связей между известными археологическими комплексами в устье Вади-эль-Хавад в значительной степени только предстоит установить. Еще долгое время главной причиной такого положения вещей будет недостаток данных. Так, пока можно только гадать, насколько плотно была заселена Нильская долина в непосредственной близости от Мероэ, какую роль в жизни населения столичного региона играли обширные затопляемые земли на западном берегу реки, как функционировал экономический обмен на территориях близ устья Вади-эль-Хавад, а также как этот регион взаимодействовал с другими областями мероитского Куша и глубинными районами Африки, в частности с Эфиопией.

Хотя мы все еще очень далеки от выявления комплексной картины жизни в устье Вади-эль-Хавад в мероитский период, последние два десятилетия изучения региона Мероэ принесли множество важных археологических данных. Они позволили значительно продвинуться в понимании того, как функционировала эта столичная область.

С начала 1-го тыс. до н.э., по мере аридизации климата в среднем течении Нила, регион Мероэ приобрел ряд стратегических преимуществ. Нил и сухопутные пути через пустыню Байюда связывали Мероэ с традиционными экономическими и политическими центрами периода Напаты в районе 4-го порога. Одновременно водные и сухопутные пути способствовали связи нового столичного региона с южными территориями Мероитского государства в среднем течении Голубого Нила. Не последнюю роль в росте значения Мероэ, по всей видимости, играла международная торговля, в основном, вероятно, предметами элитного потребления. Относительно низкие разливы Нила и наличие крупнейшего водосборного бассейна, Вади-эль-Хавад, способствовали развитию земледелия и скотоводства. Помимо водных ресурсов и плодородных земель Мероэ контролировал также важнейшие запасы железа и древесины, а в непосредственной близости находи-

лись все необходимые материалы для монументального строительства: аллювий и навоз для кирпичей, известь для штукатурки и песчаник для каменного строительства.

Все это способствовало превращению небольшого, вероятно сельскохозяйственного в своей основе, поселения на незатопаемой древней надпойменной террасе в крупный политический, экономический и религиозный центр. Перенос в район Мероэ царского некрополя и превращение города фактически в главную столицу Кушитского царства, а также рост производства железа и соответственно количества ремесленников способствовали дальнейшему освоению прилегающих территорий. Повышение спроса на сельскохозяйственную продукцию среди жителей растущего Мероэ должно было привести к развитию небольших поселений в непосредственной сельскохозяйственной округе города. Одним из таких поселений, вероятно, был ранний Хамадаб, возникший на одной из древних прирусловых дюн.

В I в. до н.э. – I в. н.э. устье Вади-эль-Хавад переживает период активного строительства, инициированного центральной администрацией. Если возведение укрепленного центра на месте Хамадаба всего в нескольких километрах к югу от Мероэ могло быть связано с потенциальной военной угрозой, то строительство храмовых комплексов Аулиба и Абу-Эртейлы, а также, видимо, хафира между ними могло быть вызвано стремлением более эффективно использовать ресурсы Вади-эль-Хавад. В частности, мероиты наверняка стремились эффективно контролировать потенциал скотоводческих угодий, которые предоставляло Вади, а также пути через него в восточные районы области Бутана.

О важности Вади-эль-Хавад и как военно-торгового пути, и как скотоводческого и сельскохозяйственного региона, где выращивались зерновые культуры, свидетельствует знаменитый рельеф царя Соркарора, обнаруженный в районе Гебель-Кейли [Tögök, 1997(1), p. 466]. Данная местность расположена примерно в 150 км к востоку от слияния Белого и Голубого Нила, в местах, где берет свое начало один из притоков Вади-эль-Хавад. Рельеф на гранитном валуне изображает триумф царя над неизвестными врагами, возможно, племенами нуба [Tögök, 1997(1), p. 482–483; Edwards, 2004, p. 183]. Победу правителю дарует солнечное божество, которое преподносит Соркарору в обмен на пленников связку метелок сорго – главной зерновой культуры мероитского времени [Fuller, 2014, p. 167–172]. На сегодняшний день это самый восточный из известных мероитских памятников. Не исключено, что Соркарор действительно вел боевые действия за контроль над Вади-эль-Хавад. И тогда строительство при нем храма Абу-Эртейлы кажется вполне логичным. Собственно, храм в устье и рельеф у истоков вади должны были стать свидетельствами мероитского контроля над этой контактной зоной между кочевым и оседлым миром и одновременно важнейшим водосбором.

Начало позднемероитского периода в устье Вади-эль-Хавад было ознаменовано общим упадком общественных зданий: во II в. н.э. элиты оставляют «царский город» в Мероэ; жители Хамадаба перестают поддерживать в должном состоянии городские укрепления, храм и административное здание; храм Абу-Эртейлы подвергся разграблению. Все эти отмеченные в археологической летописи явления, возможно, были связаны с временным кризисом государственных институтов и прежде всего царской власти.

Последующие века не принесли процветания. Хотя прежний порядок в некоторой степени вернулся, в частности был восстановлен культ в храме Абу-Эртейлы, обветшавшие постройки продолжали разбирать на строительные материалы. Хотя очевидно, что Меровитское царство привели к упадку внутренние социальные и политические процессы, серьезную роль сыграла, видимо, и аридизация климата. Если в начале I-го тыс. до н.э. климатические изменения расширили экономическую базу района в низовье Вади-эль-Хавад, снизив интенсивность нильских разливов и высушив болота, то к IV в. н.э., продолжаясь без остановки, те же самые процессы, возможно, привели к сокращению обрабатываемых земель и усложнению условий для скотоводства.

В конце позднемероитского периода и в постмероитский период на территории бывших мероитских комплексов в Мероэ [Török, 1997(2), p. 39], Хамадабе [Wolf et al., 2011, p. 227] и Абу-Эртейле [Lebedev, Reshetova, 2017]¹⁶ появляются первые погребения. Это означает, что жители устья Вади-эль-Хавад постепенно покидали традиционные места обитания, оставляя их мертвым. Впрочем, это не означает, что численность населения бывшей столичной области драматически сократилось. Люди по неизвестным нам пока причинам могли переместиться на новые места, которые пока не локализованы. Об этом, в частности, свидетельствуют обширный постмероитский некрополь в Мероэ [Török, 1997(2), p. 40] и следы бурного роста железного производства в Хамадабе [Humphris, Scheibner, 2017, p. 400–403].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Кормышева Э. Е., Малых С. Е., Фантусати Е. Археологическая экспедиция в Абу Эртейле (Судан). Сезоны 2009–2010 годов. *Исторические записки*. 2012. Вып. 14 (132). С. 369–390 [Kormysheva Eleonora, Malykh Svetlana, Fantusati Eugenio. Archaeological Excavations in Abu Erteila, Sudan: 2009–2010 Field Seasons. *Istoricheskie zapiski*. 2012. Iss. 14 (132). Pp. 369–390 (in Russian)].

Кормышева Э. Е., Малых С. Е., Фантусати Е., 2014. Абу Эртейла: новый административный центр империи Мероэ (Северный Судан). *Восток (Oriens)*. 2014. № 2. С. 121–141 [Kormysheva Eleonora, Malykh Svetlana, Fantusati Eugenio. Abu Erteila – A New Administrative Centre of the Meroitic Empire. *Vostok (Oriens)*. 2014. No. 2. Pp. 121–141 (in Russian)].

Кормышева Э. Е. Подставки для мероитских священных барок в контексте сцен ритуала *tw3 pt*. *Эпиграфика Востока*. 2016. Вып. 32. С. 95–131 [Kormysheva E. O. Stands for meroite sacred Baroque in the context of *tw3 pt* ritual scenes. *Epigrafika Vostoka*. 2016. Iss. 32. Pp. 95–131 (in Russian)].

Кормышева Э. Е. Система водоотвода в храмах Долины Нила 3–1 тыс. до н.э. *Восток (Oriens)*. 2017. № 5. С. 6–18 [Kormysheva E. O. Drainage systems in the Nile valley in the Third–First Millennia BCE. *Vostok (Oriens)*. 2017. No. 5. Pp. 6–18 (in Russian)].

Лебедев М. А. Языческие погребальные традиции в средневековых погребениях в устье Вади Хавад. *Восток (Oriens)*. 2018. № 5. С. 3–12 [Lebedev M. A. Pagan Burial Practices in the Medieval Necropolis of Abu Erteila (Sudan). *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 5. Pp. 3–12 (in Russian)].

Малых С. Е. Знаки на мероитской керамике из Абу Эртейлы: проблема интерпретации. *Эпиграфика Востока*. 2016. Вып. 32. С. 143–165 [Malykh S. E. Marks on Meroitic ceramics from Abu Erteila. *Epigrafika Vostoka*. 2016. Issue 32. Pp. 143–165 (in Russian)].

Малых С. Е. Позднемероитская керамика Абу Эртейлы: проблема существования локальных гончарных центров в округе Мероэ. *Восток (Oriens)*. 2017. № 5. С. 26–36 [Malykh Svetlana E. Late Meroitic ceramics of Abu Erteila: a problem of existence of local pottery workshops in the Meroe Region. *Vostok (Oriens)*. 2017. No. 5. Pp. 26–36 (in Russian)].

Adams W. Y. Ecology and Economy in the Empire of Kush. *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 1981. Bd. 108. Pp. 1–11.

Adams W. Y. The Nile Trade in Post Pharaonic Times. *Sahara*. 1988. No. 1. Pp. 21–36.

Ahmed Abdalla A. M. Towards a Better Understanding of the Meroitic Settlements in Central Sudan (Shendi Area). *Acta Nubica. Proceedings of the X International Conference of Nubian Studies. Rome 9–14 September 2002*, eds. I. Caneva, A. Roccati. Rome: Libreria dello Stato, 2006. Pp. 125–126.

Ali Hakem A. M. *Meroitic Architecture. A Background of an African Civilization*. Khartoum: Khartoum University Press, 1988.

Baldi M. The Awlib Temple Complex: A Review. *Atti della quarta giornata di Studi Nubiani: a tribute to the Nubian civilization*, eds. E. Fantusati, M. Baldi. Roma: Scienze e lettere, 2014. Pp. 49–66.

Baud M. The Meroitic Royal City of Muweis: First Steps into an Urban Settlement of Riverine Upper Nubia. *Sudan and Nubia*. 2008. Vol. 12. Pp. 52–63.

Baud M. Les trois Méroé: la ville, la région, l'empire. *Un empire sur le Nil*, ed. M. Baud. Paris: Musée du Louvre, 2010. Pp. 45–66.

¹⁶ В Аулибе вполне может наблюдаться та же картина, однако этот памятник изучен еще недостаточно.

Baud M. Premières données sur le palais royal de Mouweis. *La pioche et la plume. Autour du Soudan, du Liban et de la Jordanie, hommages archéologiques à Patrice Lenoble*, eds. V. Rondot, F. Alpi, F. Villeneuve. Paris: PUPS, 2011. Pp. 339–357.

Baud M. Downtown Muweis – A Progress Report (2007–2011). *The Fourth cataract and Beyond. Proceedings of the 12th International Conference for Nubian Studies*, eds. J. R. Anderson, D. A. Welsby. Leuven–Paris–Walpole: Peeters, 2014. Pp. 763–782.

Borcowski Z., Paner H. The Awlib Temple Complex. Report on the 2001 and 2003 Excavation Seasons. *Gdańsk Archaeological Museum African Reports*. 2005. Vol. 3. Pp. 47–60.

Bradley R. J. Varia from the City of Meroe. *Meroitica*. 1982. Vol. 6. Pp. 163–170.

Bradley R. J. *Nomads in the Archaeological Record. Case Studies in the Northern Provinces of the Sudan*. Berlin: Akademie, 1992.

Cech B., Stremke F., Steiner A., Rehren T., Abdelrahman A.M. The Quarry Landscape at Meroe, Sudan. *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies. Neuchâtel, 1st–6th September 2014*, ed. M. Honegger. Leuven–Paris–Bristol: Peeters, 2018. Pp. 529–541.

Crowfoot J. W., Griffith F. L. *The Island of Meroe and Meroitic Inscriptions: Pt. I: Sôba to Dangêl*. London – Boston: Egypt Exploration Fund, 1911.

Daszkiewicz M., Bobryk E., Schneider G. Archaeoceramological Study of Pottery Fabrics from Awlib, Sudan. *Gdańsk Archaeological Museum African Reports*. 2005. Vol. 3. Pp. 67–78.

Dunham D. *The Royal Cemeteries of Kush. Volume V. The West and South Cemeteries at Meroë*. Boston: Museum of Fine Arts, 1963.

Edwards D. N. *Archaeology and Settlement in Upper Nubia in the 1st Millennium A. D.* Oxford: BAR, 1989.

Edwards D. N. Meroe and the Sudanic Kingdoms. *Journal of African History*. 1998. Vol. 39. Pp. 175–193.

Edwards D.N. *The Nubian Past. An Archaeology of the Sudan*. London: Routledge, 2004.

El-Tayeb M., Kolosowska E. The Awlib Temple Complex: Kom B and its Pottery Assemblage. *Gdańsk Archaeological Museum African Reports*. 2005. Vol. 3. Pp. 145–58.

Fantusati E., Kormysheva E., Malykh S. Abu Erteila: Preliminary Results of the Italian-Russian Archaeological Mission Excavations, Seasons 2009–2011. *Beiträge zur Sudanforschung*. 2012. Bd. 11. Pp. 21–59.

Fantusati E., Kormysheva E., Malykh S. Abu Erteila – An Archaeological Site in the Butana Region. *Der antike Sudan. Ein Forscherleben zwischen den Welten Zum 80. Geburtstag von Steffen Wenig*, eds. A. Lohwasser, P. Wolf. Berlin: Sudanarchäologische Gesellschaft, 2014. Pp. 739–757.

Fuller D. Agricultural Innovation and State Collapse in Meroitic Nubia. *Archaeology of African Plant Use*, eds. C. J. Stevens, S. Nixon, M. A. Murray, D. Fuller. Walnut Creek: Left Coast Press, 2014. Pp. 165–177.

Grzymski K. A. Meroe, the Capital of Kush: Old Problems and New Discoveries. *Sudan and Nubia*. 2005. Vol. 9. Pp. 47–58.

Grzymski K.A., Grzymska I. Excavations in Palace M 750S at Meroe. *Sudan and Nubia*. 2008. Vol. 12. Pp. 47–51.

Hinkel F. W. Proportion and Harmony. The Process of Planning in Meroitic Architecture. *Egypt and Africa. Nubia from Prehistory to Islam*, ed. W. V. Davies. London: British Museum Press, 1991. Pp. 220–233.

Hinkel M. *Die Hafire im Sudan. Eine Untersuchung zur Geschichte des frühen Wasserspeicherbaus*. Bonn: Habelt-Verlag, 2015.

Hintze F. Preliminary Report of the Butana Expedition 1958 made by the Institute for Egyptology of the Humboldt University, Berlin. *Kush*. 1959. Bd. 7. Pp. 171–196.

Humphris J., Scheibner T. A New Radiocarbon Chronology for Ancient Iron Production in the Meroe Region of Sudan. *African Archaeological Review*. 2017. Vol. 34. Pp. 377–413.

Ismail Mohamed Fangama Abdalla. Environmental Impact of Red Brick Manufacturing on the Bank of the Blue Nile at Soba West, Khartoum, Sudan. *International Journal of Current Microbiology and Applied Sciences*. 2015. Vol. 4:4. Pp. 800–804.

Kendall T. The Napatan Palace at Gebel Barkal: A First Look at B 1200. *Egypt and Africa. Nubia from Prehistory to Islam*, ed. W. V. Davies. London: British Museum Press, 1991. Pp. 302–313.

- Kendall T. B 100: A little-known Meroitic palace at Jebel Barkal. *Orientalia*. 2014. Vol. 83. Pp. 63–85.
- Khidir Abdelkarim Ahmed. *Meroitic Settlement in the Central Sudan. An Analysis of Sites in the Nile Valley and the Western Butana*. Oxford: BAR, 1984.
- Kormysheva E. The Remnants of a Meroitic Complex at Abu Erteila I. *Nubian Archaeology in the XXth Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies. Neuchâtel, 1st–6th September 2014*, ed. M. Honegger. Leuven–Paris–Bristol: Peeters, 2018. Pp. 423–438.
- Kröper K. Metamorphoses of the Amun Temple in Naga. *Acta Nubica. Proceedings of the X International Conference of Nubian Studies, Rome, 9–14 September 2002*, eds. I. Caneva, A. Roccati. Rome: Libreria dello Stato, 2006. Pp. 287–295.
- Kröper K., Schoske S., Wildung D. Königsstadt Naga. *Grabungen in der Wüste des Sudan*. Munich: Staatliches Museum Ägyptischer Kunst München, 2011.
- Lebedev M., Reshetova I. Cutting Graves in Ancient Ruins. The Medieval Cemetery at Abu Erteila (Seasons 2012–2015). *Beiträge zur Sudanforschung*. 2017. Bd. 12. Pp. 125–151.
- Leclère F. *Les villes de Basse Egypte au Ier millénaire av. J.-C.* Bibliothèque d'étude 144. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 2008.
- Lenoble P. Quatre tombes sur mille de Djebel Makbor. A.M.S. NE-36-0/3-X-1. *Archéologie du Nil Moyen*. 1987. Vol. 2. Pp. 207–247.
- Lenoble P. Cônes de déjections archéologiques dans les djebels à cimetières tumulaires proches de Méroé. *Beiträge zur Sudanforschung*. 1992. Bd. 5. Pp. 73–91.
- Maillot M. The Palace of Muweis in the Shendi Reach: A Comparative Approach. *The Fourth cataract and Beyond. Proceedings of the 12th International Conference for Nubian Studies*, eds. J. R. Anderson, D. A. Welsby. Leuven – Paris – Walpole: Peeters, 2014. Pp. 783–795.
- Mainterot P. Les «éthiopiens» et leur cite fabuleuse dans les récits classiques. *Un empire sur le Nil*, ed. M. Baud. Paris: Musée du Louvre, 2010. Pp. 19–21.
- Malykh S. The Pottery to the South of the Royal City of Meroe: The Case of Abu Erteila as a Potential Production Center. *Nubian Archaeology in the XXth Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies. Neuchâtel, 1st–6th September 2014*, ed. M. Honegger. Leuven–Paris–Bristol: Peeters, 2018. Pp. 513–518.
- Näser C. Musawwarat al-Sufra. *Ancient Nubia. African Kingdoms on the Nile*, eds. M.M. Fisher, P. Lacovara, S. Ikram, S. D'Auria. Cairo – New York: The American University in Cairo Press, 2012. Pp. 238–243.
- Nowotnick U., Wolf P., Wöß F., Büchner S., Minow M. *Hamadab: Urban Living at the Nile in Meroitic Times*. Berlin: German Archaeological Institute, 2014.
- Onderka P. Wad ben Naga: A History of the Site. *Sudan and Nubia*, 2014. Vol. 18. Pp. 83–92.
- Onderka P., Vrtal V., Gatzsche A. Preliminary Report on the Twelfth Excavation Season of the Archaeological Expedition to Wad Ben Naga. *Annals of the Náprstek Museum*, 2017. Vol. 38:1. Pp. 113–122.
- Paner H., Kolosowska E. *The Gdańsk Archaeological Museum Expedition – Ten Years in the Sudan*. Gdańsk: Gdańsk Archaeological Museum, 2005.
- Rondot V. Les dieux de Méroé. *Un empire sur le Nil*, ed. M. Baud. Paris: Musée du Louvre, 2010(1). Pp. 189–201.
- Rondot V. El-Hassa. Un nouveau temple à Amon dans la région de Méroé. *Dossiers d'archéologie Hors série*. 2010(2). No. 18. Pp. 189–201.
- Rondot V. L'architecture du temple et le modèle égyptien. *Un empire sur le Nil*, ed. M. Baud. Paris: Musée du Louvre, 2010(3). Pp. 227–229.
- Rondot V. Le mobilier cultuel des temples. *Un empire sur le Nil*, ed. M. Baud. Paris: Musée du Louvre, 2010(4). Pp. 231–233.
- Rondot V. Le matériel cultuel du temple à Amon d'el-Hassa. *Un empire sur le Nil*, ed. M. Baud. Paris: Musée du Louvre, 2010(5). Pp. 236–239.
- Rondot V. The Island of Meroe The Fourth cataract and Beyond. *Proceedings of the 12th International Conference for Nubian Studies*, eds. J.R. Anderson, D. A. Welsby. Leuven–Paris–Walpole: Peeters, 2014. Pp. 119–124.
- Salah M. A. A Short “Training Campaign” at Abu Erteila 7–17 December 2003. *La pioche et la plume. Autour du Soudan, du Liban et de la Jordanie. Hommage archéologiques à Patrice Lenoble*, eds. V. Rondot, F. Alpi, F. Villeneuve. Paris: Presses Universitaire Paris Sorbonne, 2011. Pp. 297–301.

Sander A. The Awlib Temple Complex: Latest Conclusions on its Chronology and Identity. *Gdańsk Archaeological Museum African Reports*. 2010. Vol. 7. Pp. 153–62.

Sander A. Sandstone Reliefs and other Architectural Details Revealed at the Awlib Temple Complex in 2003: A Preliminary Analysis. *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies, Vienna, 1–4 September 2008*, ed. M. H. Zach. *Beiträge zur Sudanforschung*, Beiheft 9. Vienna: Citypress, 2015. Pp. 307–317.

Shinnie P. L. Notes. *Kush*. 1953. Vol. 1. P. 87.

Shinnie P. L. The Culture of Meroe and its Influence in the Central Sudan. *Sahara*. 1989. No. 2. Pp. 21–30.

Shinnie P. L. Trade Routes of the Ancient Sudan. *Egypt and Africa. Nubia from Prehistory to Islam*, ed. W. V. Davies. London: British Museum Press, 1991. Pp. 49–53.

Shinnie P. L., Anderson J. *The capital of Kush 2: Meroë Excavations 1973–1984*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2004.

Shinnie P. L., Bradley R. *The Capital of Kush 1: Meroe Excavations 1965–1972*. Berlin: Akademie Verlag, 1980.

Sievertsen U. Civil Architecture in the Empire of Kush and the Royal City of Meroe. *Archéologie du Nil Moyen*. 2002. Vol. 9. Pp. 163–181.

Török L. Ambulatory Kingship and Settlement History. *A Study on the Contribution of Archaeology to Meroitic History. Études nubiennes: Conférence de Genève. Actes du VIIe Congrès international d'études nubiennes, 3–8 septembre 1990. Volume I. Communications principales*, ed. Ch. Bonnet, Genève: Ch. Bonnet, 1992. Pp. 111–126.

Török L. *The Kingdom of Kush. Handbook of the Napatan-Meroitic Civilization*. Leiden – New York: Brill, 1997(1).

Török L. *Meroe City, an Ancient African Capital. John Garstang's Excavations in the Sudan. With Contributions by Inge Hofmann and Istvan Nagy. Part one: Text*. London: The Egypt Exploration Society, 1997(2).

Welsby D. *The Kingdom of Kush. The Napatan and Meroitic Empires*. London: British Museum Press, 1996.

Wolf P. Temples in the Meroitic South—Some Aspects of Typology, Cult and Function. *Acta Nubica. Proceedings of the X International Conference of Nubian Studies, Rome, 9–14 September 2002*, eds. I. Caneva, A. Roccati. Rome: Libreria dello Stato, 2006. Pp. 239–262.

Wolf P. The Qatar-Sudan Archaeological Project – The Meroitic Town of Hamadab and the Palaeo-Environment of the Meroe Region. *Sudan and Nubia*. 2015. Vol. 19. Pp. 115–131.

Wolf P., Nowotnick U. Hamadab – A Meroitic Urban Settlement, Excavations 2001–2003. *Archéologie du Nil Moyen*. 2006. Vol. 10. Pp. 257–262.

Wolf P., Nowotnick U., Wöb F. Meroitic Hamadab—A Century after its Discovery. *Sudan and Nubia*, 2014. Vol. 18. Pp. 104–120.

Wolf P., Nowotnick U. Hamadab – eine urbane Siedlung im Mittleren Niltal. *Die Kulturen Nubiens – ein afrikanisches Vermächtnis*, eds. K. Zibelius-Chen, S. Wenig. Dettelbach: J.H. Röhl, 2013. Pp. 429–451.

Wolf P., Nowotnick U., Hof C. The Meroitic Urban Town of Hamadab in 2010. *The Fourth cataract and Beyond. Proceedings of the 12th International Conference for Nubian Studies*, eds. J. R. Anderson, D. A. Welsby. Leuven – Paris – Walpole: Peeters, 2014. Pp. 719–737.

Wolf P., Nowotnick U., Hof C. Hamadab – Insights into Development and Lifestyle of a Meroitic Urban Settlement. *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies, Vienna, 1–4 September 2008*, ed. M.H. Zach. *Beiträge zur Sudanforschung*, Beiheft 9. Vienna: Citypress, 2015. Pp. 123–139.

Wolf P., Riedel A., Bashir M.S., Yellin J.W., Hallof J., Büchner S. The Qatari Mission for the Pyramids of Sudan – Fieldwork at the Meroe Royal Cemeteries – A Progress Report. *Sudan and Nubia*. 2018. Vol. 22. Pp. 320.

Wolf S., Hof C., Onasch H.-U. Investigations in the So-called Royal Baths at Meroe in 2000, 2004 and 2005. A Preliminary Report. *Kush*. 2008. Vol. 19. Pp. 101–115.

Wolf S., Wolf P., Onasch H.-U., Hof C., Nowotnick U. Meroë und Hamadab – Zwei Städte im Mittleren Niltal in den Jahrhunderten um die Zeitenwende. Bericht über die Arbeiten zwischen 1999–2007. *Archäologischer Anzeiger*. 2008. Bd. 2. Pp. 157–230.

Wolf S., Wolf P., Onasch H.-U., Hof C., Nowotnick U. Meroë und Hamadab – Stadtstrukturen und Lebensformen im afrikanischen Reich von Kush. Die Arbeiten der Kampagnen 2008 und 2009. *Archäologischer Anzeiger*. 2009. Bd. 2. Pp. 215–262.

Wolf S., Wolf P., Onasch H.-U., Hof C., Nowotnick U. Meroë und Hamadab – Stadtstrukturen und Lebensformen im afrikanischen Reich von Kush. Die Arbeiten der Kampagnen 2010. *Archäologischer Anzeiger*. 2011. Bd. 2. Pp. 213–244.

Yellin J. W. Meroe. *Ancient Nubia. African Kingdoms on the Nile*, eds. M. M. Fisher, P. Lacovara, S. Ikram, S. D’Auria. Cairo – New York: The American University in Cairo Press, 2012. Pp. 258–273.

Zach M., Tomandl H. Bemerkungen zu den Amunheiligtümern um Süden des meroitischen Reiches. *Beiträge zur Sudanforschung*. 2000. Bd. 7. Pp. 129–158.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЛЕБЕДЕВ Максим Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Maksim A. LEBEDEV – PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.